

84M

ЖУРНАЛ
МОСКОВСКОЙ
ПАТРИАРХИИ

1

1949

ЖУРНАЛ
МОСКОВСКОЙ
ПАТРИАРХИИ

№ 1

Я Н В А Р Ъ

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

МОСКВА 1949

СОДЕРЖАНИЕ

Официальная часть

Рождественское послание Патриарха Московского и всея Руси Алексия 3

Из церковной заграничной жизни

Новый Константинопольский (Вселенский) Патриарх 5
Судьба униатской церкви в Румынии 5
Запечатление истинного церковного единства между Румынской, Русской и Болгарской Церквами в Бухаресте 6
Отклики Англиканской церковной общественности на решения Московского церковного Собрания (июль 1948 г.) 6
В С.Ш.А. 6

Речи, проповеди

Митрополит Николай. Чистое сердце 8

Статьи

А. Г. Над книгой Святейшего Алексия, Патриарха Московского и всея Руси, „Слова, речи, послания“ 12
М. Павлов. Солнце Руси 23
*Проф. А. И. Сагир*а. Актовая речь на тему: „Место устной традиции в истории развития древнецерковной мысли“ 32
В. Никонов. Св. Преподобномученик Афанасий, игумен Брестский 43
Архиепископ Варфоломей. О пастырчедостойном характере творений Святителя Дмитрия, Митрополита Ростовского 54
И. Спаский. Преподобная Евфросиния, княжна Суздальская (к 700-летию со дня кончины) 59
Прот. Анатолий Леицкий. Великая святая Приамурья 66
Георгий Александров. За монашескими стенами 68
А. Ведерников. Профессор протоиерей В. В. Платонов. Некролог 71

Из жизни наших епархий

Из Ставропольской епархии 77
Из Виленской епархии 78

Издатель: МОСКОВСКАЯ ПАТРИАРХИЯ **Редактор:** РЕДАКЦИОННАЯ КОМИССИЯ

По всем редакционным делам обращаться к ответственному секретарю редакции „Журнала Московской Патриархии“ протоиерею А. П. Смигнову – Москва, 48, Б. Пироговская, 2 (бывш. Ногодевичий монастырь). Редакция „Журнала Московской Патриархии“ .

Официальная часть

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ ПОСЛАНИЕ

ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ
ПРЕОСВЯЩЕННЫМ АРХИПАСТЫРЯМ, БОГОЛЮБИВЫМ
ПАСТЫРЯМ, ЧЕСТНОМУ ИНОЧЕСТВУ, ЦЕРКОВНОМУ КЛИРУ
И ВЕРНЫМ ЧАДАМ ПРАВОСЛАВНОЙ РУССКОЙ ЦЕРКВИ

„Слава в вышних Богу, и на земли мир
в человецех благоволение“ (Лук. 2, 14).

Много веков прошло с той великой ночи, когда земля наша огласилась этим ангельским пением и когда человечество в лице Вифлеемских пастырей впервые услышало ангельское благовестие о рождении Спасителя мира. Но не им только одним предназначена была эта радость. Ею жил, живет и жить будет весь мир христианский. Эту радость небесную в течение веков проповедует и Церковь Христова, и всех нас зовет в эти священные дни словами блаженных пастырей, первых свидетелей Рождества Христова: «прейдем до Вифлеема» (Лук. 2, 15). «Станем праздновать,— говорит на этот праздник святой Григорий Богослов,— не пышно, но божественно; не по-мирски, но премирно; не наш праздник, но праздник Того, Кто стал нашим, лучше же сказать, праздник нашего Владыки». «Приидите, возрадуемся Господеви, настоящую тайну сказующе».

Но как нам достигнуть Вифлеема, скажут те, кто не имеет чистой, непосредственной веры пастырей Вифлеемских и кто лишен мудрости волхвов, иже от Востока? А между тем, если зовет нас к этому Святая Церковь, значит она знает и способы, которыми мы можем достигнуть приближения ко Христу, Рождшемуся в Вифлееме. И не только знает, но и преподает их нам благодатным образом. Она создает в наших душах в эти священные дни особенное чувство тихой радости и как бы ощущение дивного света, озарившего ясли Богомладенца; она рождает в нас чувство веры, что «с нами Бог» во Иисусе, Рожденном на земли; чувство надежды, что не закрыта для нас будет дверь в Его Небесное Царствие, куда нас привести Он возжелал по Своему неизреченному человеколюбию.

Эти святые чувства, заставляющие трепетать наши сердца в эти дни, не суть ли признаки того, что и мы вместе с пастырями и вместе с волхвами совершаем путь в мысленный Вифлеем, дабы там погрузиться в благоговейное созерцание Божественного Младенца? И эту

нашу благодатную мирную радость внутреннюю не может похитить у нас внешний мир, как бы он суетой своей ни отводил нас от этих благодатных созерцаний.

Приветствуя вас, отцы и братья, с великим праздником Рождества Спасителя нашего и желая вам принять и сохранить подольше в сердцах ваших мир, принесенный Господом на землю,—я прошу принять от меня приветствие и с наступившим Новым годом.

Много, по милости Божией, радостного и отрадного дал нам минувший год: после тяжких годов войны мы чувствовали себя безопасными в Отечестве нашем, и были, кто меньше, кто больше, но все в той или иной мере, участниками возрождения нашей Родины после разрушений, внесенных в нее войной. Мы были радостными свидетелями и того, с каким рвением, с какой определенностью и прямотою руководители нашей государственной жизни отстаивали дело мира против поползновений ищущих брани на собраниях, созванных с целью разгрома сторонников всяческого угнетения, и с каким умением и силой они отражали нападения врагов мира и свободы народов.

По милости Божией, и в нашей церковной жизни совершались утешительные события: повсюду множились храмы Божии, а в самой Москве и в Лавре Преподобного Сергия — было освящено за этот год несколько престолов.

Наши сношения с прочими Автокефальными Церквями продолжали развиваться; и в июле минувшего года состоялось в Москве знаменательное, совместно с Главами и Представителями Автокефальных Церквей, празднование 500-летия автокефалии Русской Церкви и Совещание, на котором были разрешены важные церковные вопросы.

Правда, зарубежные враги нашего государственного и церковного преуспеяния всячески стараются распространять лживые сведения о нашей Церкви, но этой злонамеренной лжи могут верить лишь те, кто вообще настроен враждебно к нашей Стране и к ее строю и для кого рост и благополучие церковной жизни у нас являются обличением их оторванности от Матери-Церкви.

Мы же с верою во всепродуманную помощь Божию будем так же, как и доселе, твердо и неуклонно идти по пути верности заветам Православной Церкви и преданности нашему возлюбленному Отечеству, не жалея сил в служении Богу и Родине.

И да благословит Господь труды наши в наступившем Новом лете Его благодати. Аминь.

АЛЕКСИЙ, ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ

25 декабря 1948 г.

Москва

ИЗ ЦЕРКОВНОЙ ЗАГРАНИЧНОЙ ЖИЗНИ

НОВЫЙ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИЙ (ВСЕЛЕНСКИЙ) ПАТРИАРХ

18 октября 1948 г. Священным Синодом Константинопольской Церкви была принята отставка Патриарха Максима V, вызванная его болезнью.

1 ноября 1948 г. Патриархом Константинопольским был избран Экзарх Северной и Южной Америки Архиепископ Афинагор.

Новый Патриарх Афинагор I родился в 1886 г. Богословское образование получил на Афоне. В 1923 г. назначен Митрополитом в Корфу. С 1931 г. по 1948 г. занимал пост Экзарха Константинопольской Церкви в Северной и Южной Америке.

СУДЬБА УНИАТСКОЙ ЦЕРКВИ В РУМЫНИИ

Женевский бюллетень «Service Oecuménique de Presse et d'Information» в № 42 за 1948 г. дает сообщение о решении значительного большинства униатов в Румынии вернуться в лоно своей Матери-Церкви Православной.

Патриарх Юстиниан, глава Православной Церкви Румынии, сообщал, что христиане-униаты (Католическая Церковь Румынии византийского ритуала) решили отделиться от Рима и объединиться с Православной Румынской Церковью.

36 священников и 2 протоиерея униатов, являющиеся представителями 423 священников, встретились 1 октября в Клуже и единодушно голосовали за представление прошения о присоединении к Православной Церкви. Кроме того, конференция обратилась с воззванием к униатам, склоняя их к принятию этого решения.

Униатская делегация отправилась в Бухарест для изложения решения конференции Православному Патриарху. Делегаты были приняты на сессии Синода и затем приняли участие в специальном (особом) литургическом богослужении, переданном по радио по всей стране.

Униатов в Румынии насчитывается, приблизительно, 1.250.000 человек. Они составляют часть Римской Церкви с 1697 г.— даты подписания в Блаже — в Трансильвании, договора объединения. Униатская Церковь обладает, приблизительно, 1700 церквями и располагает 700 священниками, управляемыми Митрополитом и четырьмя епископами.

Объединение униатской Церкви с Церковью Православной было дискутировано уже некоторое время, потому что в момент своего введения в сан, в мае текущего года, Патриарх Юстиниан предложил униатам объединиться с православием. Многие румынские журналы печатают статьи по этому вопросу, напоминая возвращение русских униатов в Православную Русскую Церковь в 1946 г. (см. наш бюллетень 1946 г., № 29) и говоря: «Испытает ли и наш народ такую же радость?»

ЗАПЕЧАТЛЕНИЕ ИСТИННОГО ЦЕРКОВНОГО ЕДИНСТВА МЕЖДУ РУМЫНСКОЙ, РУССКОЙ И БОЛГАРСКОЙ ЦЕРКВАМИ В БУХАРЕСТЕ

Как пишет румынская газета «Универсул» в № 73 от 23 ноября 1948 г., 21 ноября 1948 г. состоялось торжественное открытие обновленного Русского храма в столице Румынии — Бухаресте. На торжестве открытия присутствовали: Его Святейшество Патриарх Румынии Юстиниан, Министр Культур г. Станчу Стоян, Его Преосвященство Владыка Вениамин, епископ Карансебешский, представитель Армянской Церкви архимандрит Васкен, представители Посольства СССР в Румынии гг. Королев А., Никитин И., Ельчибеков С., атташе при Посольстве т. Хмельницкий, временно поверенный в делах Болгарской Народной Республики в Румынии г. Данчев А., секретарь Болгарского Посольства, г. Пиронский К. и пресс-атташе Болгарского Посольства г. Пунчев.

Кроме того, присутствовали: проф.-протоиерей П. Винтилеску — декан Богословского факультета в Бухаресте, г. М. Абаджаев — почетный Болгарский консул, г. Проданов — представитель Болгарской колонии, г. Андрееску Раду — директор кабинета Примарии г. Бухареста, г. В. Запорожниченко — почетный ктитор открытой церкви и множество верующих: русских, болгар и румын.

Торжественное богослужение было совершено соборно во главе с настоятелем, русским протоиереем П. Статовым, румынским протоиереем о. И. Пароческо и болгарским священником о. К. Димитровым.

Этот храм будет началом закладки фундамента истинного единства братских Православных Церквей — Румынской, Болгарской и Русской, — как образец и пример христианского православного содружества на равных правах, без желания главенствования одной братской Церкви над другой.

ОТКЛИКИ АНГЛИЙСКОЙ ЦЕРКОВНОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ НА РЕШЕНИЯ МОСКОВСКОГО ЦЕРКОВНОГО СОВЕЩАНИЯ (Июль 1948 г.)

Газета «The Church Times» (№ 4465 от 3 сентября 1948 г.) дает трезвую оценку решения Московского Церковного Совещания, признавая за резолюциями его преимущественную богословскую аргументацию, сердечность тона к англиканской общине, а также оставление возможности дальнейшего совместного изучения англиканской доктрины о священстве.

Газета считает необходимым, чтобы была выражена официальная англиканская богословская декларация о священстве: «Настоящее время, — пишет газета, — представляет благоприятную возможность для такой постановки вопросов, подготовленных компетентными богословами и одобренных англиканской иерархией. Многие исследования в недавнее время были посвящены вопросу о священстве. Нет таких школьных установок, чьи мнения не изменились бы существенно в недавно опубликованных ученых трудах. Более того, такая постановка была бы полезной и для будущих дискуссий о воссоединении с другими религиозными общинами».

В США

Американский Епископальный еженедельник «The Living Church», в номере от 12 декабря 1948 г., публикует статью Экзарха Московской Патриархии по Северной и Южной Америке архиепископа Макария под

заглавием: «Церковь России и ее Американская Ветвь». Эта статья является ответом и разоблачением соблазна, имевшего место в одноименной статье юрисконсульта Митрополита Феофила м-ра Ральф Аркуш. Архиепископ Макарий изобличает противоречивую деятельность Митрополита Феофила, декларирующего свою духовную субординацию Московскому Патриарху и замалчивающего о факте состояния в запрещении от Московского Патриарха.

Автор касается взаимоотношений между Церковью и Государством в первые века, приводит в пример пятисотлетнюю совместную жизнь Константинопольского Патриарха с нехристианской турецкой властью, что, однако, никогда не давало повода лишать Константинопольского Патриарха чести «первого среди равных» Патриархов.

речи, проповеди

ЧИСТОЕ СЕРДЦЕ

Слово,

сказанное в церкви Даниловского кладбища г. Москвы

„Сердце чисто созижди во мне,
Боже“ (Пс. 50, 12).

О чем, мои дорогие, мы стали бы просить Господа, если бы Он какими-нибудь путями повелел нам сейчас просить у Него того, чего каждый из нас хочет? Конечно, нашлись бы среди нас такие, кто молил бы Его о здоровье своем или близких, благополучии житейском, успехах. Нельзя осуждать таких просьб, направляемых к Господу. Да и Сам Господь такие невинные просьбы благословляет, и они доходят до Него.

Но, конечно, среди нас не нашлось бы никого, кто бы не захотел присоединиться к той просьбе, с какой пророк Давид обращался к Господу: «Сердце чисто созижди во мне, Боже».

И здоровье, и благополучие, и земные успехи — все это мы оставим на земле, когда нам придет время перейти в вечность. А сердце чистое, душу чистую все мы возьмем с собой.

Чистое сердце это — наше богатство, наша слава, наша красота. Чистое сердце это — хранитель благодати Святаго Духа, это место рождения всех святых чувств и желаний. Чистое сердце это та брачная одежда, о которой говорил Господь в Своей притче, и только в которой мы можем стать участниками небесной трапезы в вечной жизни.

С чем можно сравнить чистое сердце? Его можно сравнить с плодородной землей: на земле растут деревья, богатые своими плодами, золотые злаки, благоухающие цветы. И в сердце христианина произрастают украшающие его добродетели: смирение, кротость, милосердие, терпение. Мы любимся цветущим садом, и нам приятно вдыхать аромат цветов. Еще более мы любимся духовной красотой носителя чистого сердца. Легко представить перед своим духовным взором преподобного Серафима, Саровского чудотворца: вот он идет со своей неизменной улыбкой любви на лице, весь — сияние чистоты, кротости, любви, благожелательности, безгневия. Ко всем подходящим к нему у него одинаковое слово приветия, с любовью открытые объятия. И кто даже издали видел его, — на всю жизнь сохранил в своем сердце его прекрасный светлый образ. Это носитель чистого сердца.

Чему еще можно уподобить чистое сердце? Пламенеющему огню. Как в огне очищается золото, как в огне освобождается от ржавчины

металл, покрытый ею, так в чистом сердце сторают греховные искушения и соблазны; и нередко от одного общения с носителем чистого сердца перерождается грязная испорченная душа и становится на путь новой христианской жизни.

Еще какое сравнение может быть для чистого сердца? Оно подобно чистой воде: чистая вода не имеет в себе никакой скверны, она освежает каждого жаждущего; она приятна и сладка тому, кто ее жаждет. В чистой воде отражаются небо и солнце. И чистое сердце влечет к себе, и мы видим, как в нем отражается духовное небо, видим в нем печать Божией красоты, печать Духа Святаго, носителями которых являются святые люди.

Чистое сердце подобно чистому светлomu воздуху: как солнце беспрепятственно распространяет в таком воздухе свои лучи, так в чистом сердце светит тот свет Божий, о котором сказано, что он «просвещает всякого человека, приходящего в мир» (Ио. 1, 9).

Чистое сердце — «храм Божий» и «Дух Божий» живет в нем (1 Кор. 3, 16) — по слову апостола Павла. Такому сердцу свойственно любить Господа Бога своего. А Господь Иисус Христос сказал: «Кто любит Меня, тот возлюблен будет Отцом Моим. И Мы придем к нему и обитель у него сотворим» (Ио. 14, 21, 23). Значит чистое сердце это храм Троицаго Бога.

В чистом сердце рождается все самое лучшее, светлое, прекрасное, что может быть у человека. Это сердцеместилище веры, и какой веры! Посмотрите на святых апостолов. Мы знаем, что Спаситель избрал Себе учеников за их душевную простоту и чистоту. Но тогда они не были еще очищены Духом Святым. Когда же сошел на них Святой Дух и Своим огнем сжег в их сердцах все искушения и соблазны, — какой родник веры забил в их сердцах! В своей проповеди они уже не боялись ничего и никого, шли навстречу пыткам и смерти с такой пламенной верой, которой ничто не могло поколебать.

Вспомним святых мучеников первых веков христианства. Какая крепкая, горячая любовь ко Христу горела в их чистых сердцах, отдавших себя Богу! Их предсмертные пытки — яркие и неумирающие свидетельства такой любви, рожденной в их сердцах.

Что побуждало преподобных отцов и матерей, пустынников и подвижников уединяться в глухие леса, на скалистые острова, в горные ущелья для того, чтобы там совершать свои подвиги? В их чистых сердцах жила и умножалась жажда возможно живее ощущать присутствие Божие и теснее соединиться с Ним. Чистые сердца будущих Серафимов, Сергиев были источником этой неукротимой жажды.

Все мы знаем о подвигах юродивых ради Христа. Сколько нужно было иметь силы духа, чтобы понести такой подвиг, сколько смирения и самоуничтожения! Некоторые юродивые несли свой подвиг пятьдесят-шестьдесят-семьдесят лет; и в течение такого огромного периода времени добровольно подвергать себя насмешкам, притворяться не имеющими ума, — для этого нужны были особые силы духа, и это величайшее смирение рождалось в глубине их чистых сердец.

Высочайший для человека образ чистоты сердца представляет Господь наш Иисус Христос. Св. апостол Петр говорит о Нем, что Он «не сделал никакого греха и не было лести в устах Его» (1 Петр. 2, 22).

Пречистая Матерь Божия больше всех живших на земле приблизилась к совершенной чистоте сердца. Она по преимуществу является для нас образом и примером чистоты. К Ней Св. Церковь от лица верующих обращается с такой молитвой: «Чистое Божие жилище бывши, Чистая, с бесплотными молиси, чисте совершити ми путь житейский» (Канон арханг. и анг.).

Этим совершенным образцам душевной чистоты и подражали в меру своих сил святые люди.

Чистому сердцу Спасителем дана самая высокая награда, какую только может себе представить человеческая мысль и душа: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф. 5, 8). Увидеть Сладчайшего Господа в будущей жизни лицом к лицу, поклониться Его пречистым стопам, и не однажды, а во все нескончаемые века,— разве это не самая высокая честь и наивысшее счастье для человека?!

Но еще на пути к этому вечному счастью чистому сердцу дано видеть Господа своего духовными очами и здесь, на земле. Из жизни святых угодников мы знаем нередкие случаи, когда во время молитвы святые преображались, от их лица и от всего их существа исходил яркий свет, которого не могли перенести те, кто их видел в такие минуты. В эти минуты святые своей душой пребывали в самом тесном общении с Господом, с Которым они в глубине своего духа беседовали и Которого своими духовными очами видели.

Над приобретением этой чистоты сердца каждому из нас, мои дорогие, надо трудиться всю жизнь, потому что нашим равнодушием к делу спасения, нашим маловерием, нашею леностью, нашими грехами загрязняется сердце. Но разве жалко трудов и усилий для такой величайшей и священной цели — соединиться навеки со своим Господом? Конечно, нет!

Приобретается эта чистота сердца постоянною памятью о том, что Господь всегда присутствует около нас, все видит, все слышит, что совершается в нашем сердце, проникает до глубочайших изгибов души. Он — Судья как наших душевных прегрешений, так и наших телесных беззаконий. Надо всю свою жизнь, как говорит св. Иоанн Златоуст, сидеть у дверей своего сердца и беречь его от засорения тем, что лишает нас радости общения с Богом. Это постоянное наблюдение за сердцем — могучее средство для удержания его от греха. «Сын мой,— говорит нам слово Божие, — больше всего хранимого храни сердце твое» (Притч. 4, 23). Вот, что говорит нам один из опытных в духовной жизни древних подвижников: «Когда горшок снизу подогревается огнем, то ни муха, ни иное какое-либо насекомое не может прикоснуться к нему; когда же остынет, то садится на него; то же бывает и с человеком: пока он пребывает в духовном трезвении, пока он следит за своим сердцем, — невидимый враг не может поразить его» (Слова преподобного Пимена Великого).

Сердце очищается молитвой, непременною каждодневной молитвой. Наша молитва согревает сердце, возбуждает в нем благоговейное умиление и привлекает благодать, очищающую и освещающую сердце.

Святая Церковь учит нас очищать сердце такою теплой молитвой, когда повелевает нам взывать к Спасителю: «Слезные ми подаждь, Христе, капли, скверну сердца моего очищающие» (Последование ко св. причащению). Греховная скверна омывается слезами покаяния, такого покаяния, когда согрешившему сердцу и стыдно того, что оно совершило, и больно терять общение со своим Господом, и страшно умереть с нераскаянным грехом. Все, плакавшие о грехах своих, по опыту знают, что после таких слез наступает тишина и спокойствие совести и какое-то духовное благоухание и радость: умными очами человек видит Бога, очищающего беззакония его и несказанно его милующего.

«Сердце сокрушено и смиренно Бог не уничижит» (Пс. 50, 19), — говорит пророк и псалмопевец Давид, всю свою жизнь после грехопачдения трудившийся над очищением своего сердца.

Одним из могущественных средств хранить свое сердце в нравственной чистоте должна быть для истинного христианина надежда на ве-

ликую награду видеть Бога. Этому же очищению сердца от греховной грязи содействует жизнь по заповедям Божиим: чем больше сердце христианина заполняется смирением, милосердием, неосуждением, терпением, тем меньше в этом сердце остается места для гордости, жестокости и уныния. Этой же цели служат и скорби, посылаемые Божественным Провидением человеку: они сжигают терния страстей, врачуют греховные болезни. Как говорил приснопамятный Митрополит Московский Филарет, «скорби уничтожают в сердце следы греховного услаждения, исторгают глубоко проникшие тонкие корни греха».

Пусть же воодушевляют нас, мои дорогие, на труды во имя очищения своего сердца и спасения своей души призывы Господа нашего Спасителя, уроки святых отцов и учителей Церкви и все святые угодники Божии, сияющие своей духовной красотой и чистотой в веках славы!

Псалмопевец Давид учит нас, что чистоту сердца мы приобретаем не только трудами, но и молитвой об этом. И пусть эта молитва пророка Божия: «Сердце чисто созижди во мне, Боже» будет на наших устах и в нашем сердце, когда мы совершаем свое домашнее молитвенное правило и когда мы стоим на молитве в нашем святом храме.

Митрополит Николай

С П А П Б И

НАД КНИГОЙ СЯТЕЙШЕГО АЛЕКСИЯ, ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ, «СЛОВА, РЕЧИ, ПОСЛАНИЯ»

В 1948 г. пастыри и чада Русской Православной Церкви осчастливлены появлением в свет посланий, речей и докладов Святейшего Патриарха Алексия. Они весьма разнообразны по содержанию и обнимают исторические события и факты церковной и гражданской жизни нашего Отечества с 1941 г. по настоящее время.

Книга Патриарших слов и речей во всей красе открывает многомиллионной русской пастве богатые сокровища святительского духа Патриарха. Здесь ярко отражена гармония мысли с высотой церковно-общественного положения Главы Русской Православной Церкви. Его глубоко серьезная и библейски-стильная речь свободно льется в тоне искренней сердечной любви, спокойно и впечатлительно. Святейший говорит кратко и думы его отражают уже выводы из переживаний и наблюдений действительности.

Рассматриваемая нами «Книга» Святейшего Патриарха заключает в себе «Послания к Ленинградской пастве в годы немецкой блокады», слова и доклады о патриотической деятельности Русской Православной Церкви за период Отечественной войны, речи во время местоблюстительства Патриаршего престола, на интронизации и при наших отношениях с зарубежными иерархами. Здесь же помещены речи новопоставленным епископам; слова на богослужениях в Троице-Сергиевой Лавре и Духовных Академиях и Семинариях, речи при путешествии по странах Православного Востока, выступления по случаю гражданских торжеств и послания чадам Русской Церкви.

В «Книге» авторитетно выражены три основных взгляда автора: на православное Епископство в его идеальном понимании, на необходимость единства всякой поместной Церкви и Епископии со вселенским церковным телом и на отношение православного христианина ко Власти и Родине. Все библейско-теоретические установки Святейший Патриарх подтверждает фактами своей личной Патриаршей деятельности.

В посланиях и речах по поводу своей интронизации и при вручении жезлов новопоставленным епископам он дает интимное раскрытие программы своей церковно-общественной работы и своего настроения. Здесь мы имеем исповедание пред Церковью Патриарших принципов служения пастве. В ответственное продолжение строения Русской Церкви Святейший Патриарх вступает с глубоким сознанием своей немощи и недостаточности. Он называет себя «малой ладьей, предпринимавшей великое плавание», но в то же время исповедует свою горячую веру в помощь ему благодати Божией и надеется на молитвы и благословения древних

и позднейших Первосвятителей Церкви¹. «По идее Патриарх, — скажем его словами, — есть одушевленный образ Христа, делом и словом в себе самом наглядно выражающий Истину». Задача его сохранять в благочестии и святости принятую от Бога паству при наличии своего подвига жизни во Христе и распятия миру². Он — Богопоставленный Хранитель неизменности церковного учения, канонов и священных преданий, вверенной ему поместной Церкви от расколов и разделений. Его прямое дело насаждать добрую жизнь в пастве с помощью любви, а где необходимо, путем строгих обличений и запрещений. На Патриархе тяготеет долг возносить дух верующих горе и предохранять от падений при неусыпном личном бодрствовании и принесении Богу в жертву всех своих сил, всего своего покоя и жизни до кончины своей³. У предстоятеля Церкви, по представлению Святейшего Патриарха, должно быть широко раскрыто сердце для паствы, дума о ней всецело и обязательно «проставление сердца к своему стаду»⁴. Только тогда он может свято идти во главе своего словесного стада и быть действительным кормчим церковного корабля, возбудителем пастырей к благоговейному и ревностному прохождению своего служения и истинным судьей дел Церкви, растворяющим правду милостью⁵. Иногда тяжел долг епископа — брать бич и изгонять из Церкви Божией торгующих в ней святыней и совестью. Но он необходим по отношению к расшатавшемуся теперь сословию пастырей.

Предохраняя сопастырей от погашения дара благодати и выступления из норм церковной жизни, предстоятель Церкви лично сам тем более обязан беречь дыхание силы Святаго Духа, полученное им в таинодейственных словах таинства хиротонии⁵. Он — ангел Церкви. «Ангелы Божии вечно видят Лице Отца Небесного. Чист и ясен должен быть и взор епископа, постоянно устремленный горе, к небу. Ангелы Божии облетают и как бы охраняют небесный престол Господень. Так и дух епископа должен постоянно возноситься к небу, к престолу Божию, и охранять его святыню. Такими чувствами должна быть полна душа епископа для того, чтобы действия его были исполнены благодати и силы. Он должен постоянно пребывать в молитве... ибо от молитвы сила власти⁶. В неотъемлемую епископскую заботу входят хранение усердия к службе церковной, истовое, уставное и благолепное ее совершение, но без услаждения собой, строгость к себе и клиру, обращение к совету мудрейших своих клириков, но не в такой мере, чтобы какой-либо советник злоупотреблял архиерейским доверием и угнетал епархию из корыстолюбия и своего честолюбия⁷.

Душу епископа должен всегда обнимать страх, как бы не оскорбить Духа Божия и не лишиться Его высшего содействия, как бы не закрыть грехом способности ума и сердца, принимать помощь благодатной силы и света. Наблюдение за каждым помыслом, внутренним и внешним действием никогда не должно пресекаться в душе его. Это и есть постоянное духовное бодрствование предстоятеля Церкви и ученичество Господу Иисусу Христу⁸. Самое же высшее богословское качество его, по мысли Святейшего Патриарха, есть ведение Св. Троицы, которое было бы вместе с тем и непрестанным Ей поклонением⁹.

¹ Стр. 108.

² Стр. 110.

³ Стр. 111.

⁴ Притч. 27, 23, стр. 112.

⁵ Стр. 148, 149—151.

⁶ Стр. 152.

⁷ Стр. 153.

⁸ Стр. 154—155.

⁹ Стр. 157.

Таковы основы Святительского служения, предносящиеся Святейшему Патриарху. Он начертывает здесь образец личного Патриаршего настроя; и этот идеал свят и истинен. Именно таким идеалом руководились и все св. Апостолы и св. Отцы Вселенской Церкви всех веков. Много напоминающего строгость и выпренность Московского Святителя и витии Филарета Дроздова слышится в отмеченных выше величайших перспективах церковно-созидательной патриаршей работы, совершаемой в хождении пред Богом. Быть всегда лично соединенным с Господом Иисусом Христом теплой памятью о Нем и в Духе Святом являться на ниве Церкви — такой принцип есть достояние всякого истинного предстоятеля Церкви во все времена ее бытия.

Насколько верен себе Святейший Патриарх в осуществлении этих принципов попечения Русской Церкви, прежде всего, показывают: 1) его шаги по ликвидации существовавших в ней раскола и разделений; 2) мероприятия, направленные к упрочению братских связей с православно-восточными Патриархами и поместными Церквями и 3) ближайшее попечение о великой православно-русской пастве. Все эти моменты как раз и отражает «Книга».

Имеющиеся здесь речи, телеграммы, послания, направленные к воссоединению с Московской Патриархией зарубежных православно-русских Церквей, содержат в себе обращения к Архипастырям и клиру, так называемой, Карловацкой ориентации и фиксируют факты возвращения в лоно Матери-Церкви Русской Митрополитов Евлогия и Серафима (Лукиянова) с приходами, Маньчжурских и Китайских Преосвященных с их паствой и русских приходов в Германии, Югославии, Болгарии, Чехословакии, Австрии и других странах. Из Патриарших посланий видно, что руку Матери-Церкви Русской через Святейшего Патриарха оттолкнули лишь известный заграничный эмигрант Митрополит Анастасий, — глава Карловацкой ориентации и Американский Митрополит Феофил с тремя соепископами, подвергшийся за раскол запрещению со стороны Московского Патриарха¹. В посланиях к раскольническим заграничным группировкам Святейший Патриарх неоднократно отечески напоминает, что разрыв православного единства отнимает благодатность у отпавших в раскол. Раскольнические церкви перестают благодатно питать верующих, так как сами не сохраняют более благодатной жизненности, как сохнет лист, оторвавшись от ветви². «Молю Вас, — пишет раскольникам Патриарх, — спешите вернуться в объятия вашей родной Матери-Церкви... в Дом Отчий³. Надеемся (и пламенно молимся о том), что все русские православные архиереи⁴ и их чадъ, пребывающие за границей, сольются в одной великой Божией семье, — в лоне Русской Православной Церкви»⁵.

Святейший Патриарх, исходя из принципа церковной икономии, по примеру покойного Патриарха Сергия, без ограничений и с величайшей гуманностью принял в ограду Великой Русской Церкви остаток кающихся обновленческих епископов, но к обновленческому расколу в его душе сохранилось навсегда полное отвращение.

Одновременно с попыткой объединить русско-православную паству, разбросанную в нашей стране и за границей, Патриарх Алексей всегда крепил братские связи с зарубежными поместными славянскими Церквями и Восточными православными Патриархатами. Этим обстоятельством вызваны помещенные в книге его извлечения Патриархиям Константинопольской и Иерусалимской о факте его собственной Патриар-

¹ Стр. 137, 121—138.

² Стр. 121.

³ Стр. 123.

⁴ Стр. 131.

⁵ Стр. 132.

шей интронизации и приглашения на поместный Собор Русской Православной Церкви в 1945 г. предстоятелей великих Апостольских и Славянских Церквей¹.

Пребывание последних в Москве и ответная поездка Святейшего Алексия в Сирию, Ливан, Палестину и Египет, молитвенно-литургическое общение с Восточными иерархами и обмен теплыми братскими речами, содержащимися в рассматриваемой нами «Книге», еще более укрепили наши связи с Греко-Восточной Церковью.

Так, Господь, по выражению Святейшего Патриарха «продолжил и умножил Свои благословения» над духовным единением нашей и древнейших Церквей² после взаимного «целования мира и любви»³ к возрастающей «духовной и церковной связи их между собою»⁴.

Переходя к вопросу о пастырских начинаниях Патриарха Алексия, собственно по отношению к исконной православно-русской пастве, следует сказать, что они, судя по данным «Книги», выражены прежде всего открытием духовно-учебных заведений для подготовки будущих пастырей Церкви. В речах, какие Святейший Патриарх произносил в стенах и храмах Московской и Ленинградской Духовных Академий и Семинарий, замечательна характеристика старой и современной духовной школы. Первая, по мысли Святейшего Патриарха, при всей своей суровости и глубокой серьезности была школой полусветско-сословной. Здесь немало было подневольных питомцев из детей духовенства, внесенных сюда мирской дух и снижавших здесь тон общего церковного настроения. Современная духовная школа должна быть строго церковна и в отличие от старой, чужда сословности. Цель ее — дать образование лицам, поступающим сюда по свободному влечению⁵ и любви к духовной и церковной мудрости из желания отдать свои силы на всецелое служение Церкви. Изучаемую богословскую мудрость в связи с деятельным осуществлением ее истин, питомец должен содержать в мире, чистоте и кротости. «Как в тихой неволнуемой воде отражается образ солнца, — говорит Патриарх, — так только в тихой, неволнуемой страстями и всякими раздражениями, душе может отразиться великий свет духовной мудрости». Ревнители истинной духовной мудрости по оканчивании учебного образования в свою очередь обязаны поднимать дух людей из рабской низости и расслабления к нелицемерному повиновению «закону Божию и власти, от Бога установленной»⁶. Новая школа постепенно придает учащимся по призванию облик настоящих учеников и студентов» и с церковным настроением. Она укрепляет их связь с храмом и богослужением, на котором уже «согласная восшумела церковная песнь» голосами новых питомцев⁷.

Возрождение в нашей Православной Церкви средоточия духовного просвещения радует Святейшего Патриарха тем, что учреждение училищ благочестия и обучение здесь глаголам жизни вечной дает Церкви просвещенных и благоговейных работников на ниве Христовой. Недостатком прежней духовной школы, в смысле постановки преподавания, было ее до некоторой степени сухое схоластическое направление и формальное изучение предметов. Это наносило прямой вред учащимся старой школы. Прежняя духовная школа постепенно беднела религиозным духом... «Большинство учащихся проникалось мирским, светским духом». Теперь наши Духовные Семинарии и Академии приняли новое

¹ Стр. 100, 115—116.

² Стр. 175.

³ Стр. 94.

⁴ Стр. 196.

⁵ Стр. 163—164.

⁶ Стр. 166.

⁷ Стр. 168.

«лицо». Они имеют в составе учащихся носителей веры и любви ко Господу, изучают духовные науки, на основе творений св. Отцев и учителей Церкви¹, что сообщает им требуемое духовное настроение.

Замечания Патриарха Алексия о духовных школах старой и новой показывают, как настойчиво он требует от современного преподавания богословских наук достигать не одних лишь интересов научно формального порядка, но и воспитывающего влияния на учащихся. Самое богослужбное пение в храмах духовно-учебных заведений, как и в остальных церквях приходских и монастырских нашей страны, он приказал исполнять только духовно-церковными роспевами: знаменным, болгарским, киевским, греческим и другими подобными или совершенно простым общепринятым напевом, но дышащим благоговейно-возвышенным чувством и духовной красотой².

Наряду с попечением о духовной школе Патриарх пастырски внимателен к духовному окормлению и всего верующего русского народа.

В храмах приходских и монастырских темами Патриаршего проповедничества служат то назидания общехристианского характера, то призывы верующих родителей и особенно женщин к религиозно-воспитательной работе в своей семье³, то воодушевление иноков, пастырей и народа к молитве и труду⁴. Язык Святейшего Патриарха всегда тонко передает его глубокие переживания. «Я вижу многострадальный наш город,— говорит он, например, в Ленинграде при первом Патриаршем служении в Никольском соборе.— Город и теперь еще носит язвы и раны пережитых страданий... И хочется мне сказать: град возлюбленный! Много горького пришлось пережить тебе, но теперь ты, как Лазарь, восставши из гроба залечиваешь свои раны, а скоро и предстанешь в прежней красоте»⁵. Затем Патриарх обращается к молящимся и восклицает: «Возлюбленные братие! Это время (истекшей войны) научило нас находить единственное утешение у Господа... и смиряться пред праведным Судом Божиим... Я много мог бы говорить о той любви, которую чувствую к вам, моей бывшей возлюбленной пастве... С просьбой помолиться обо мне обращаюсь к вам. Вы лучше и больше других знаете меня. Я больше других знал и любил вас. И я надеюсь, что ваши молитвы будут духовною помощью в несении моего подвига. Я призываю благословение Божие на град сей, на братию, сопастырей моих, о которых сохраняю самые теплые воспоминания (и на всех вас)»⁶.

Сердечная мысль о павших на поле брани наших героях и о долге церковного общества сострадать их осиротевшим семьям побуждает Святейшего Патриарха после войны обращаться к верующим с призывом помогать всем печальным и скорбным. В этом призыве раскрывается вся сила любви Патриарха, простираемая на очаги человеческого сиротства. Глубину этой неизмеримой скорби не всякий может понять и разделить. И только Церковь Христова может облегчить эти скорби... И на нас, чад своих, она возлагает долг утешить скорбящих, придти к ним на помощь... Жены христианские! Вам особенно свойственна любовь св. Жен Мироносиц. Принесите и вы Христу вместо мира вещественного благодатное миро вашей любви и сострадания к скорбящим и унывающим. Возбудите эту христианскую любовь и в ваших близких⁷.

Предметом святительского попечения Святейшего Патриарха, как это

¹ Стр. 170—173.

² Стр. 246.

³ Стр. 159—160.

⁴ Стр. 161—162.

⁵ Стр. 117.

⁶ Стр. 118.

⁷ Стр. 221—222.

видно из «Книги», является не только положительное раскрытие нравственно-христианского учения, но и борьба с некоторыми нежелательными явлениями церковно-приходской жизни. В силу этого он требует замены в храмах исповеди общей частною, благоговейной подготовки к Таинству св. Причащения, требует организации порядка за богослужениями, особенно праздничными¹, и изгнания из храмов излишнего увлечения электрической иллюминацией. Он с негодованием восстает против фальшивых камней и искусственных цветов в иконных украшениях по их ложности, против корзин с живыми цветами в алтарях и у иконостасов из-за их неуместности².

«В храме,— говорит Патриарх,— ничто да не оскорбляет ни слуха, ни взора... Пусть (здесь) будет темнее (без электричества), зато в сердцах молящихся будет царить тишина, и от нее ярче будет гореть внутренний свет...³. Зачем народу навязывать также наслаждение... (в храме) мирским, (мнимо) духовным (пением), когда он ищет умиления духовного⁴. Не следует поощрять и одобрять в храмах (далее) и обычая украшать св. иконы искусственными цветами, также всякими полотенцами»⁵.

Стремясь привить пастырям и пасомым дух молитвы и истинно-церковный вкус, Святейший Патриарх никогда не упускает из вида случаев патриотически воспитывать церковное общество. Его праздничные послания и приветствия озарены той одной идеей, что мы, по завету Апостольскому, должны быть самыми верными Правительству и Родине гражданами, нелицемерно преданными труду и гражданским обязательствам, при сохранении православной веры и благодатного настроения.

«За годы войны,— замечает Патриарх в заявлении корреспонденту «Известий»,— Русская Церковь показала всему миру свое полнейшее единение со своим Правительством: Она показала, что для нее священным является служение Родине всеми имеющимися у нее средствами... Церковь и теперь в час победы Родины едина с нею, служит ей, делает в этом отношении одно дело со своим Правительством, помогает ему и следует его призывам»⁶.

Святейший Патриарх, как главное звено, связующее церковное общество с Правительством, все знаменательные годовщины нашей страны сопровождал и сопровождает приветствиями И. В. Сталину и самыми сердечными молитвенными пожеланиями ему неизменных успехов в его необъятных трудах по руководительству нашей великой Державой⁷. Патриаршие Рождественские и Пасхальные послания «чадам Церкви Российской» постоянно напоминают всем о гражданском долге. При этом Святейший Патриарх иногда отмечает общепользные результаты государственной работы руководителей нашей страны: освобождение ими людей от порабощения и угнетения, от власти богатства и стяжания⁸ и устройство новой жизни на равных основаниях для всех народов⁹. Именно в годы «нового строя Церковь,— говорит Патриарх,— обрела свое законное каноническое устройство... (в форме) патриаршества». Ей было разрешено двукратное собрание двух поместных Соборов и свободное действие в своей внутрицерковной жизни. Патриотически «Церковь и Отечество между собой тесно связаны»¹⁰. Благодаря неизменно

¹ Стр. 231—232.

² Стр. 237—241.

³ Стр. 238.

⁴ Стр. 239.

⁵ Стр. 240.

⁶ Стр. 235.

⁷ Стр. 197—199.

⁸ Стр. 204.

⁹ Стр. 204.

¹⁰ Стр. 205.

благожелательному отношению нашего Правительства к нуждам Церкви, открыта Лавра Преподобного Сергия, открыты Духовные Академии в Москве и Ленинграде, перенесены мощи св. Виленских угодников в Вильно и Святителя Феодосия в Чернигов¹. По лицу нашей земли раздается радостный звон колокольный и храмы наши наполняются верующим народом². «При виде Родины свободной и пребывающей в мире и радостном труде восстановления после тяжких бедствий войны» (общий долг всех верующих) вложить свою долю во всенародный труд³ и каждый из них должен внести свое воодушевление в общее гражданское строительство⁴. В заключении одного Послания Патриарх восклицает: «Усилим (же) молитвы наши о Богохранимой Державе Российской и о Властях ее во главе с ее мудрым Вождем, которого Промысл Божий избрал и поставил вести наше Отечество по пути благоденствия и славы»⁵.

В великую заслугу пред Церковью и Родиной Его Святейшеству нельзя не поставить широкой разработки самого вопроса о сущности патриотического служения русского церковного общества своему Отечеству. Самую психологию патриотического воодушевления он выводит из возвышенно религиозного деятельного настроения русского человека и учит претворять ее в беззаветно преданной Отчизне работе.

Патриотизм в «Книге» называется «национальной чертой русского характера», имеющей под собой библейскую и историко-психологические основы. Иллюстрацию патриотического настроения в нашей стране дают Святейшему Патриарху факты героизма русского народа на фронте и в тылу за прошлую Отечественную войну и тогда же организованное служение нашей Церкви и Родине. Исполнение народом обязательств перед Отечеством в послевоенную эпоху, по мысли Патриарха, составляет новый этап в осуществлении принципа патриотизма.

По мнению Святейшего Патриарха, национальная окраска русского патриотизма заключается в том, что он составляет как бы часть природы русского человека, свойства его души и жизненно соединяет любовь нашей родной генерации в одно тело. Движущая сила патриотизма — любовь к Родине может и должна воспламеняться до готовности жертвовать за Родину жизнью. Обоснование вечной ценности подобного самопожертвования Святейший Патриарх указывает в словах Господа: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих»⁶, «Кто потеряет жизнь ради Христа и Евангелия, тот сбережет ее». Бесчисленные факты полагания русскими людьми жизни своей за благо Родины Патриарх созерцает на историческом фоне от древности вплоть до нашего времени. Русская Православная Церковь всецело разделяла судьбы народа. Она не только молитвенно призывала благословение Божие на общий народный подвиг и простирала утешения веры⁷, но вместе с тем включилась в общий акт патриотизма тылового населения страны по сбору жертв на Армию и помощь семьям погибших наших бойцов. Она внесла в фонд Обороны несколько сот миллионов рублей и создала специальную танковую колонну имени Димитрия Донского, победоносно участвовавшую в военных операциях. Русское духовенство в течение войны не переставало поднимать дух любви к Родине в верующих проповедями, идейно критиковало основы фашистской идеологии,

¹ Стр. 211.

² Стр. 225.

³ Стр. 215.

⁴ Стр. 217.

⁵ Стр. 206.

⁶ Ев. Иоанн. 15, 13, стр. 24.

⁷ Стр. 45—46.

ободряло унывающих и утешало плачущих в храмах пред святынями и проливавших неисчерпаемое море слез¹.

Святейший Патриарх преподавал своей великой пастве науку отдавать себя на общее дело, всецело дал ей разглядеть в себе присутствие могучих нравственных сил. Это не могло не побуждать во всех непоколебимую веру в свое славное политическое будущее, неослабное чувство долга и напряженную мысль о необходимости самопожертвований для Отечества. Его собственная пламенная любовь к Отечеству искрится в его речи зажигающими народ переливами. Он то скорбит о наших военных разрушениях в Ленинграде, Петергофе, Пушкине и др. местах, то гневается на предателей и изменников Отчизны, то молит всех стоять до последней капли крови за все родное — за веру и национальную и культурную самобытность. И все это обилие его искренних эмоций и призывов в конце-концов разрешается непоколебимой уверенностью в торжестве русского оружия над фашизмом, провиденциально обреченным на гибель.

Пафос заключительных воззваний в посланиях и речах Его Святейшества неподражаем сгущенностью патриотических чувств. Он передает все тоны его и чисто пастырской любви, и энергичных убеждений спасти Родину, и слитности с общегосударственным настроением.

В 1944 г. стрелы вражьи переломились при ударе в наш щит, и темных дух фашизма тревожный и человеконенавистный был окончательно постыжден. По освобождении от фашистской угрозы нашей страны Святейший Патриарх горячо призывает всех благодарить Господа за дарование победы и вместе подниматься на восстановление коллективного порядка ведения хозяйства². По его мысли, народ с полным сознанием ответственности за настоящее и будущее обязан теперь усилить труд. Чтобы залечить нанесенные войной раны, требуется общее удвоенное напряжение в связи с воссозданием городов и многих заветных памятников нашей страны, разоренных врагами³. Поэтому, наступление послевоенной тишины Патриарх встречает молитвенными пожеланиями Церкви, Стране и помышлениям сердечным нерушимого мира от Бога, «всегда победителями нас творящего о Христе Иисусе»⁴.

Таковы блестящие страницы Патриаршей Книги, вдохновлявшие русское церковное общество в истекшую Отечественную войну.

Все годы войны слабых, малодушных чад Церкви Патриарх как бы согревал в одном чувстве любви к Родине, разномыслящих объединял и слабых духом вовлек довершить служение Отечеству мученическим стоянием за его целость.

За патриотическими речами и посланиями в «Книге» следуют речи и слова Его Святейшества, посвященные памяти покойного приснопамятного Патриарха Сергия, и речи, сказанные по случаю интронизации самого Патриарха Алексия.

Личность Патриарха Сергия охарактеризована в «Книге» весьма ярко.

По метким определениям Его Святейшества, в лице Патриарха Сергия на свещнице Русской Церкви горел яркий светильник⁵, во главе кормила церковного корабля стоял искусный Водитель, отметивший свое церковное правление спокойным и неуклонным следованием⁶ канонам Вселенской Церкви, православным догматам веры и особенно благоговевший пред Божией Матерью. Вместе с тем это был нелицемерный

¹ Стр. 58—69.

² Стр. 39.

³ Стр. 76.

⁴ Стр. 81.

⁵ Стр. 84.

⁶ Стр. 93.

носитель духа верности Родине и христианской покорности предержавшей Власти, которая «есть, по Апостолу, от Бога»¹. Чувство преданности Богопоставленному Вождю народов Великого нашего Союза Иосифу Виссарионовичу Сталину... в Патриархе Сергии с особой силой проявлялось после незабвенного свидания с ним 4 сентября 1943 г. Не раз... он с теплым чувством вспоминал об этом свидании и придавал высокое историческое значение вниманию Иосифа Виссарионовича к церковным нуждам². В течение всего периода управления Церковью Патриарх Сергий неизменно сохранил преемственность иерархии и чистоту веры, несмотря на скорби, церковные разделения и личные на него нападки. Церковная истина была хранима им кротко, но твердо. Для его субъективной характеристики Патриарх Алексей с тонкой психологической чуткостью и совершенно верно применил выражение церковной стихиры о Святителе Николае: «Свидетельствоваше светлость лица его душевное незлобие; извествоваше кротость—слово молчаливое»³. Любовь покойного Патриарха Сергия, по утверждению Святейшего Алексея, проявлялась ко всем сопастырям беспредельно, а смирение—ярко в неизменно братских отношениях к низшим себя⁴. Потому и о завершении земной жизни его по чувству веры есть основание говорить, что его «успение со святыми»⁵. Но для Церкви эта кончина — сиротство, удар, невозградимая утрата: «В старости доброй, как истинный Патриарх, Святейший Сергий унес в мир вечный правды сознание свято исполненного долга служения⁶, «совершив свою четырехдесятницу». Патриотизм и церковная деятельность ставят его в святые ряды печальников русской земли Патриарха Гермогена, Преподобного Сергия⁷ и других патристов наших.

Как видно, мысли и рассуждения «Книги», посвященные памяти покойного Патриарха Сергия, при своем лаконизме существенны и точны. Это фотография, составленная из живых и всем знакомых фактов только что минувшей церковной жизни, на путях которой сияло величие души Патриарха Сергия.

Таково в общих чертах содержание выступлений Святейшего Алексея в Русской Церкви. В лице его Русская паства имеет охранителя ее Православия. Он продолжает подвиг Патриарха Сергия и вдохновляет всех к жизненной вере и образцовому исполнению гражданских обязанностей. Его уста повторяют и самый призыв Патриарха Сергия к верующим массам быть готовыми по требованию государства отказаться от собственности, жизнь свою полагать за общее дело и показывать пример трезвости, честности и усердия по службе. По его убеждению, работа на пользу государственного дела и искренность до конца по отношению к Власти вытекает из сущности Церкви, составляет часть ее бытия и действия. Высшие гражданские доблести для христианина—те же добродетели и средства осуществления надземного идеала Церкви. Вместе с тем Русская Православная Церковь под управлением Патриарха Алексея неизменна в учении и канонах, ничуть не урезана в своем идеале и попрежнему поддерживает прежний огонь ревности о Боге в сердцах паствы и учит находить подлинный смысл жизни за гробом.

Таким образом на страницах рассматриваемой «Книги» отобразила себя подлинно душа Православного Патриарха, проникнутого духом и правилами чистого Православия. В личном благовествовании Слова Бо-

¹ Римл. 13, 1, стр. 94.

² Стр. 90.

³ Стр. 94.

⁴ Стр. 86.

⁵ Стр. 94.

⁶ Стр. 97.

⁷ Стр. 84.

жия спокоен тон Патриаршей речи, но сильно и горячо таящееся за ним чувство. Оттого лирический элемент лежит во всем составе и полноте проповедничества Святейшего Патриарха. Предметом своей речи он обычно всецело поглощен и заинтересован и личный интерес у него имеет значение тонкой жизненной силы, оживляющий его слово. Благодаря этому, его слова и светло-радостные и грустно-элегические проникнуты какой-то приятнейшей теплотой и являют Дух и силу Божию в художественно-простой и благоговейно-умиленной форме.

Внешний вид и строй Патриарших слов и речей отличается независимостью от школьной формалистики, давящей обычно живую проповедническую душу. Святейший Патриарх излагает свои мысли всегда так, как ему представляется лучшим и целесообразным. В минуты вдохновения в нем быстро сменяются предметы созерцания. По мере их смены речь его принимает все новые и новые оттенки. Она то задумчива, скорбна, то радостна, но всегда бодра и одушевлена непоколебимой верой в Промысл Божий.

Лексика Святейшего Патриарха в общем настолько возвышенно-прекрасна, что местами может быть приравнена по меткости сравнений и картинности образов к святоотеческой. Тексты Священного Писания не стесняют его собственную мысль, а напротив помогают ему выразительнее излагать свои сердечные переживания. Вот образцы его речи, библейской по выражению и молитвенной по тону: «...упованием на Бога, венчающего торжеством оружие правды»¹. «Невидимая рука Провидения уже начертала пределы кроваждному владычеству насильника и угнетателя» «Исчислил Бог Царство его и положил конец ему»². «Сам Господ научает руки наши на ополчение»³. «Как тать побегит враг из нашей земли, в которую вторгся он, как разбойник»⁴. «Кровью и слезами залиты развалины этих некогда цветущих прекрасных мест»⁵. «Восстала на нас неправда гордых»⁶, но карающий меч уже висит над головой преступного фашизма⁷. Мы молим Бога, чтобы, по слову пророка, правда и мир облобызались⁸ во всех странах земли и чтобы «как река» тихая и полноводная «был мир наш»⁹. За дар победы над врагами нашими молитвенно скажем Господу: «Благословен еси, Боже, звери укротивый и погасивый огонь» (Канон службы Похвалы Божией Матери)¹⁰.

Собственные фразы Святейшего нередко украшаются выдержками из древних Святых отцов и учителей Церкви или из богослужебных книг. Например, в одном слове он приводит выдержку из акафиста Святителю Алексию: «Радуйся друга Божия, Преподобного Сергия, присный друже»¹¹. И еще говорит: «Церковь есть единый ковчег спасения»¹². «Радость (дня Воскресения Христова) да соделается для вас радостью жизни всегда возрастающею, как жизнь юности, и никогда не стареющей как жизнь небесная»¹³. «Союзом любви связуеми, да подвизаемся мы все»¹⁴ и да воспевает «песнь благодарения»¹⁵.

¹ Стр. 14.

² Даниила 5, 26.

³ Псал. 143, 1, стр. 25.

⁴ Стр. 29.

⁵ Стр. 36.

⁶ Стр. 41.

⁷ Стр. 42.

⁸ Пс. 84, 11.

⁹ Исаяи 48, 18.

¹⁰ Стр. 76.

¹¹ Стр. 114.

¹² Стр. 129.

¹³ Стр. 219.

¹⁴ Стр. 224.

¹⁵ Стр. 225.

В заключение обзора предварительного материала и внешних достоинств «Книги» Святейшего Патриарха нельзя не сказать, что они содержат в себе богатство морали, мудрости и возвышенного вдохновения, которое усиливает в слушателях религиозный подъем, влагает им понимание задач земной жизни и создает в них тяготение к горнему миру. Освещением ряда жизненных вопросов в своих речах Святейший Патриарх учит понимать современную церковную жизнь во свете своей мудрой и дальновидной мысли, согретой теплотой его любвеобильного сердца.

А. Г.

СОЛНЦЕ РУСИ

«Принятие христианства имело очень большое значение в жизни Киевской Руси. По сравнению с язычеством христианство было большим шагом вперед. Оно содействовало дальнейшему развитию и укреплению феодальных отношений в Киевской Руси... Установление единой религии ускорило процесс объединения всех славянских племен и усиливало княжескую власть. Благодаря христианству установились более тесные связи с государствами Западной Европы и с Византией... Стало распространяться просвещение.

При Ярославе возник под Киевом Печерский монастырь, который сыграл большую роль в деле распространения просвещения. В XI веке в Киевской Руси наблюдается расцвет высокой и блестящей культуры... Таким образом, на киевской почве создалась собственная культура, которая впоследствии легла в основу национальных культур русской, украинской и белорусской народностей...¹

С первых дней своего бытия человек радостно встречает восход солнца.

Много возвышенных чувств вызывают в сердце картины утренней зари. Но если наблюдать восход солнца с высокой скалы над морем, то впечатление остается поистине грандиозное и незабываемое.

Вы видите это темное, ночное, таинственное море, безбрежное и глухое.

Вы слышите его мерное дыхание, чувствуете его исполинскую силу.

Но вот, словно невидимая рука, зажигает далекий, далекий край моря.

Водная гладь горизонта окрашивается в дивные чарующие тона, становится изумрудной и сверкающей.

Еще мгновение и из воды появляется, «выплывает» наше славное, доброе солнце, могучий источник жизни, великий дар Творца.

Идет день—знаменующий торжество света над тьмою. Эта прекрасная и волнующая картина утренней зари невольно вспоминается, когда обращаешь свои взоры к прошлому, к первым лучам христианства, озарившего своим светом нашу Родину.

Иларион, первый на Руси Митрополит из русских, замечательный подвижник и просветитель, оценивая выдающиеся заслуги князя Владимира, как крестителя Руси, писал:

«...Всякая страна славит своего учителя веры. Похвалим же и мы ...великого кагана нашей земли, внука старого Игоря, сына же славного Святослава; не в худой и не в неведомой земле они владычество-

¹ Из учебника «История СССР» проф. К. Базилевича, проф. С. Бахрушина, проф. М. Панкратовой, доц. А. Фохт. Институт истории Академии Наук СССР. Издание третье. 1943 г.

вали, но в русской, которая ведома «всеми коньци земли». Встань, честная глава! Встань! Ты не умер, а спишь до общего всем восстания. Посмотри на распространение христианства в твоём народе, посмотри на сына твоего, украшающего столп земли твоей, и на семью его».

Веками лежала в мире огромная, неустроенная страна, с бесконечными просторами, с могучей, первобытной природой, с людьми, поклоняющимися идолу. И вот, над этой страной зажегся свет Православия, свет истины, любви и благочестия, свет Христианской, Апостольской правды. Отзывчивая, добрая душа славянина восприняла идеи христианства и понесла их как свое Святое, драгоценное знамя.

Наш народ накрепко связал свою судьбу с Православной Церковью. Православие стало его путеводной звездой, духовным сокровищем. По сравнению с язычеством, народ увидел в Православии огромную нравственную силу и чистоту.

Пред глазами миллионов людей, предстала скромная, святая, непогрешимая Церковь, ведущая свою паству к вратам Царства Божия. Для Церкви же не было других интересов, как интересы ее народа, ради спасения которого Она пришла на Русь.

Так, с первых же дней христианства начали создаваться прочные узы, соединяющие народ и Церковь.

Иларион, вырвавший себе на берегу Днепра пещеру, где в уединении страстно молился, назвал Благодать Божию «Солнцем, озаряющим день». Да, именно солнцем явилось для нашей страны Православие. Его победное шествие началось во имя высоких, благородных целей, ради благополучия Родины и счастья ее граждан.

Глубоко символичным является тот факт, что среди первых зачинателей христианства в России, были пламенные проповедники Веры братья Кирилл и Мефодий. Еще за 100 лет до князя Владимира, побывав в южной России, населенной хозарами, они крестили здесь 200 человек. За всю свою святую, замечательную жизнь, они много потрудились, чтобы зажечь свет Православия у славянских народов. От них славяне получили первые священные и богослужебные книги. Они подарили славянству первую церковно-славянскую азбуку, названную Кириллицей, в честь ее творца Кирилла.

Немеркнувшей датой в истории нашей Родины стоит год 988-й, год крещения Руси князем Владимиром Киевским. Как не бывает случайных явлений в жизни, так не было случайным и то, что Владимир в исторической обстановке того времени принял мудрое решение креститься самому и крестить подчиненную ему Киевскую Русь.

Язычество не способно было, по своей сущности, вести народ вперед, к благополучию Родины, к развитию его духовных и материальных сил. Оно сковывало Россию, мешало ее развитию, держало народ в темноте и невежестве.

Только Православие могло вывести страну из этого первобытного состояния на путь прогресса.

Семена христианской веры упали в России на подготовленную почву. Сама жизнь создавала условия для торжества христианского учения. Киевская Русь не была отгорожена от остального мира китайской стеной. Возникали и развивались обширные связи с Византией, связи торговые, военные, политические. Наши предки познавали, что собой представляет Православие, видели его огромное моральное превосходство и красоту.

Встретившись лицом к лицу с православной верой, язычество отступало назад, шло к своей гибели. Князь Владимир, а за ним Ярослав окончательно столкнули его в могилу. На том месте, где стоял Перун, по воле Владимира, возник храм Господний, в котором великий князь произнес пламенную молитву: «Господи, Боже! Призри с небес и виждь».

новые люди си, имже обратил еси сердце в разум познати Тебе, Бога истинного».

Величайшая историческая заслуга Владимира и Ярослава состоит в том, что христианство, так любовно воспринятое ими, они сделали достоянием всего народа.

Князь Владимир, а за ним и Ярослав хотели видеть свой народ грамотным, культурным, счастливым, понимая, что только Православие открывает для этого все возможности. Известно, что Владимир набрал детей «нарочитой чади» и роздал их в учение к греческим учителям, специально завезенным из Византии в Киев.

Также поступил и Ярослав. Будучи в Великом Новгороде, он отобрал 300 детей для учения по книгам. Ярослав создавал на Руси рукописные книги. По свидетельству летописца, Ярослав собрал: «писцы многи и перекладаше от Грек на словенское письмо, и списаша книги многи... многи написав положи в святей Софьи — церкви юже созда сам».

Молодая Православная Церковь с первых же дней своего существования приняла активное участие в создании на Руси письменности. В ее делах с особой силой зазвучали мысли Святого апостола Иоанна Богослова: «Для меня нет большей радости, как слышать, что дети мои ходят в истине» (3 Ио. 1,4). Именно в церквях и монастырях России началась большая работа по переписыванию от руки священных и богослужебных книг, завезенных из Византии и от западных славян.

Это занятие считалось почетным и как богоугодное дело всячески поощрялось. Ему посвящали свое время многие трудолюбивые монахи, лучшие подвижники и пастыри. Переписыванием книг занимался святой Сергей Радонежский и многие другие. Евангелие, Апостол и Псалтирь явились теми первыми книгами, которые несли русскому народу семена истины и благочестия.

Любовью и вниманием была окружена книга в древней Руси. Некоторые из этих книг, созданные огромным, кропотливым, многолетним трудом являются величайшей реликвией русского народа.

Среди них сохранились до наших дней «Остромирово Евангелие» новгородского дьякона Григория, сделанное с большой любовью и тщательностью: Его появление относится к 1056—1057 гг. Не менее значительными являются «Изборники Святослава», созданные для черниговского князя Святослава Ярославича (первый изборник в 1073 г., второй в 1076 г.). «Изборники» содержали перевод с греческого разнообразных статей и отрывков из высказываний отцов Церкви и другие материалы религиозно-нравоучительного содержания.

Но одними переводами и списыванием книг дело не ограничивалось. С именем нашей Святой Церкви связано возникновение первых летописей. Их авторы внесли неоценимый вклад в историю Российского государства. В XI веке было составлено «Сказание об обретении мощей преподобного Феодосия Печерского и чего ради прозвася Печерский монастырь».

Оно вышло из стен старейшего русского Печерского монастыря, основателем которого был Феодосий.

Здесь, в этом монастыре, много писал инок и дьякон преподобный Нестор. Он создал житие Феодосия Печерского и жития св. князей Бориса и Глеба. Выдающимся литературным памятником древности является «Повесть временных лет», появившаяся в начале XII века, в Киеве. Эта была повесть, рассказывающая о том, «откуда есть пошла Русская земля, кто в Киеве нача первее княжити и откуда Русская земля стала есть». В книге были собраны обширнейшие сведения, начиная с доисторических времен и кончая 1110 годом. Ее мог создать только человек с большим кругозором и начитанностью. Хотя автор «Повести временных лет» точно и не установлен, но известно, что в нее вошли

труды преподобного Нестора. Ее мог написать также игумен Киевского Михайловского монастыря Сильвестр, об участии которого упоминается в самой повести. Позже эта замечательная рукопись, неоднократно переписывалась другими и до нас дошли только позднейшие издания.

Несколько сказаний было написано в древности о Просветителе Руси князе Владимире. Автором одного из них является Иаков-мних: «Память и похвала князю русскому Владимиру, како крестися Владимир и дети своя крестя и всю землю русскую»...

Трудно перечислить все те сказания и летописи, которые вышли из церковных и монастырских стен. Многие из них погибли, не дошли до нас, но скромный, жертвенный труд их авторов, всегда будут ярчайшим свидетельством славной просветительной миссии Русского Православия. Через несколько столетий Пушкин в «Борисе Годунове» прекрасно передал творческую силу летописцев древности, их внутреннюю сосредоточенность и глубину мысли.

Торжественно и величественно звучат слова летописца-монаха Пимена: «Еще одно последнее сказание и летопись окончена моя. Закончен труд, завещанный от Бога».

Мысли Пимена о том, что когда-нибудь монах трудолюбивый найдет его скромный труд, завершаются пожеланием: «Да ведают потомки православных земли родной минувшую судьбу». В этих словах выражены идеи, которыми руководствовались наши летописцы далекого прошлого, страстно желавшие запечатлеть для истории, все этапы развития любимой Родины.

С гордостью мы можем сказать, что церкви и монастыри, с первых дней своего возникновения, явились рассадниками просвещения для русского народа. И в ряду первых просветителей, как подлинная академия духовной, религиозной мысли, стоит Киево-Печерская Лавра. Свет святости, зажженный Иларионом в уединенной пещере на берегу Днепра, привел к созданию монастыря, вписавшего славные страницы в историю духовной жизни народа.

Другие вновь возникающие обители шли по стопам Печерского монастыря. В Белозерском монастыре большую религиозно-творческую просветительную работу проводил основатель монастыря преподобный Кирилл. Он сам написал 17 рукописей, среди которых были не только сочинения духовного характера, но и выписки из физики Галена о происхождении грома и молнии, о землетрясениях, о четырех стихиях, о падающих звездах и др. Эти записи говорят о любви к просвещению со стороны одного из выдающихся подвижников нашей Православной Церкви.

Святое дело создания церквей и монастырей открыло целую эпоху русского народного зодчества и искусства. Города украсились замечательными храмами. Возникали чудесные по своей архитектуре монастыри. Как произведения искусства они служили источником религиозного вдохновения уже одной своей внешностью.

Сохранились высказывания Митрополита Илариона о первом на Киевской Руси храме св. Софии, созданном Ярославом: «Церковь дивна и славна всем округным странам, яко же ина не обрящется во всем полунощи земленем от востока до запада». Но страна получила десятки и сотни прекрасных храмов и монастырей, в создании которых проявил себя творческий гений русского народа. До сих пор многие древние храмы поражают нас своей красотой и совершенством своих форм.

Воля Всевышнего, приобщившая наш народ к Православию, открыла ему сокровища духовной жизни, направила на путь прогресса и культуры. С именем Святой Церкви связано развитие народного искусства и творчества, начало письменности, появление первых книг и первых летописей. Под покровом Церкви возникло и книгопечатание на Руси.

Путь был один и тот же. Крупнейшее культурное достижение явилось результатом самоотверженных усилий дьякона церкви Николы Гастунского в Кремле—Ивана Федорова. Вместе со своим товарищем Петром Тимофеевичем Мстиславцем, они с мыслью о Боге приступили к созданию печатных книг. Шел 1563 год. И первым их творением был Апостол. Книга открывалась словами: «Изволением Отца и споспешением Сына и совершением Святого Духа»...

К несчастью случилось так, что нашлись недоброжелатели, которые с озлоблением встретили новшество Ивана Федорова. Не видя возможности преодолеть эту черную косность, Федоров покинул Москву. Но и находясь в Литве, затем на Волынской земле и во Львове наш первопечатник оставался таким же русским и православным как и прежде. Горячий ревнитель христианской веры, он продолжал заниматься типографским делом, напечатав полную Библию и другие священные книги.

Умер Иван Федоров во Львове, на древней славянской земле, но начатое им дело не заглохло. Оно принесло обильный урожай. Наш народ всегда с благодарностью будет вспоминать имя первопечатника Ивана Федорова—служителя Церкви.

Одной из первых была организована большая типография при Киево-Печерской Лавре, где печаталось много книг церковного и духовного содержания. В Москве работал Печатный двор, отстроенный по повелению Ивана Грозного. Печатание книг считалось настолько почетным делом, что при начале набора каждой книги служился молебен. Евангелии, Апостолы, Часословы, Служебники несли в мир возвышенные и дорогие сердцу русского человека идеи Православия.

Но самым драгоценным вкладом Церкви в духовную жизнь народа, было воспитание нравственных качеств людей, укрепление моральных устоев жизни. Ликвидация языческой веры и пережитков язычества в сознании людей, приобщение народа к православному мировоззрению, требовали постоянной заботы о нравственном облике человека. Церковь и ее служители делали все, что было в их силах, чтобы воспитать высокие нравственные достоинства, дать людям правильное представление о подлинном благочестии.

Преподобный Феодосий Печерский, обращаясь с поучением к народу, обличал такие пороки, как пьянство, взимание процентов, ложь, клевету, брань и др. Гневом дышат его слова о пьянстве: «Бесы радуются пьянству христиан, дьявол видит в пьянстве все дела своего хотенья». Строгие требования предъявлял Феодосий к монашеству. В своих поучениях к инокам он доказывал необходимость скромной, воздержанной жизни. Монахи должны трудиться, чтобы кормиться плодами рук своих и оказывать помощь бедным и сиротам.

Заветы Сына Божия и святых Апостолов давали ту идейную основу, которая помогала облагораживать душу человека. Прекрасные мысли нравственного характера развивал преподобный Нил Сорский. Ему принадлежит фраза: «Не делай, да не яст». Главным для человека он считал труд физический, посредством которого приобретаетась необходимая, но не лишняя. Подчеркивая огромное значение молитвы, он говорил, что «умная молитва выше телесной. Телесное делание—лист, внутренне «умное»—плод. Кто молится устами только, об уме не брежет, тот молится воздуху, ибо Бог внимает уму. Пять слов умом произнесенных, выше тьмы слов, произнесенных устами».

Серапион, епископ Владимирский, живший в XIII веке, человек большой духовной силы и святости, выступал против суеверия. В народе ходили слухи, что неурожай и последовавший за ним голод дело рук волхвов и чародеев. Подозреваемых в колдовстве бросали в воду для «испытания», причем, если человек начинал тонуть, его считали невиновным, а если всплывал и не хотел итти ко дну, того сжигали на костре

живьем. Серапион выступил против этого темного суеверия и жестокости. Он стремился доказать, что правила божественного закона не позволяют осудить на смерть человека, без свидетельства многих свидетелей и тем более недопустимо брать в свидетели бездушное вещество, т. е. воду. Если кто и не причастился убийству невинного человека, но был в сонме убийц их единомышленником—сам есть убийца. «Если вы верите в силу волхвов, — говорил Серапион, — так зачем их убиваете. Молитесь им и чтите их дарами, чтобы они дали земле плодородие».

В другом поучении Серапион гневно обличает тяжкие пороки людей: «...мы считаем себя верными, крещены во имя Божие, слышим Его заповеди, а всегда неправды исполнены, братию свою ограбляем, убиваем, продаем, обижаем. Придите со мною на покаяние, да умолим Бога и будут помилованы: если не оставите безумия и неправды, то увидите горшее напоследок».

Духовный ученик Нила Сорского князь Вассиан, постригшийся в монахи, воспринял от своего учителя все лучшие его мысли и наставления.

Вассиан сочувственно относился к бедноте, не одобрял роскошную и изнеженную жизнь богатых людей. Он считал, что царь должен иметь советников в лице бояр и прочих мирян и управлять народом милосердно: «царем и великим князем достоин дела делати милосердно, со всеми князи и с бояры». Вассиан был также противником объединения духовной и светской власти в одно целое. Церковь, по его мысли, в вопросах церковных должна быть полностью самостоятельной, заботиться, главным образом о правде, защищая ее, не боясь властей: «ниже утрашиться за паствы своя».

Стремление активно воздействовать на повышение нравственных качеств людей, нашло свое выражение в трудах священника Сильвестра, которого считают автором и составителем «Домостроя». Несмотря на консерватизм многих взглядов того времени, высказанных в этой книге, она была интересна попыткой обобщить правила нравственного поведения, накопленные за длительный период. Книга давала обширные указания об истинно благочестивой жизни, об обязанностях человека по отношению к семье, детям, к домашним делам.

Само общение русских людей с христианской верой было связано с ростом нравственности. Именно под влиянием религиозного мировоззрения Владимир Мономах написал свое знаменитое поучение детям, адресованное не только к своим детям, но и «иных людей, кто прочтет» и примет в сердце его «грамотицу». В нем он горячо призывает идти дорогой благочестия: «страх имейте Божий в сердце своем и милостыню творя неоскудну». «Бог велик и милостив, и согрешенья наша выше главы нашей терпит».

Владимир дает подробные наставления, как жить и управлять людьми: «Не имейте гордости в сердце и уме, не ленитесь и во все входите сами, не полагайтесь ни тивуна, на отрока, на воеводу...» «Леность всему дурному причина. Да не застанет вас солнце в постели»—учил он. Владимир Мономах предостерегал князей от междоусобицы, велел быть милосердным, осуждал смертную казнь: «Ни права, ни крива не убивайте, не повелевайте убити его». Много других замечательных мыслей высказал князь в этом своем послании детям.

Православие, борясь с язычеством, с его пережитками, формировало сознание людей под знаком скромной, трудолюбивой, благочестивой жизни. Нравственные начала с особой силой звучали в проповедях раздававшихся в храмах и монастырях. В условиях, когда не было печати, церковная трибуна часто была единственным местом, откуда люди могли почерпнуть все полезное, узнать истину. Наша древняя Русь богата замечательными проповедниками, которые сыграли крупную, общественную роль.

Дух благочестия, высокой нравственности и преданности православной вере не покидал Церковь в самые трудные годы тяжелых испытаний. В период татарского нашествия Церковь была моральной опорой русских людей, поддерживала в них чувство национальной гордости. Разве не знаменательно, что татары нанеся огромный урон России, ее государственному устройству, просвещению, экономике, не уничтожили Православие, видимо хорошо сознавая бесполезность этой затеи. Наоборот, татары относились к Церкви даже с некоторым уважением.

Вера поработанного народа не угасла. Она поддерживала людей, вселяла в них уверенность в грядущем освобождении от татарского ига. Во все времена Православная Церковь выдвигала из своей среды выдающихся проповедников и ревнителей просвещения. В XVII веке яркой звездой блеснула жизнь Симеона Полоцкого. Имея широкое богословское образование, Симеон постригся в монахи и стал работать на уровне церковного просвещения, как преподаватель монастырской школы. Затем, мы видим его в Москве, при дворе царя Алексея Михайловича в качестве учителя его детей. Одновременно он занимается проповеднической деятельностью. В своих проповедях Симеон Полоцкий выступает против невежества и суеверия, обличает пороки и недостатки людей. Он неоднократно указывал на пользу и необходимость образования. Из его проповедей осталось два сборника «Обед душевный» и «Вечера душевная». Но этими проповедями не ограничивается просветительная миссия Симеона. Его можно назвать отцом русского литературного стихотворчества. Он писал и торжественные стихотворения, посвященные праздникам и событиям при дворе, и обличительные, в которых разоблачал отрицательные стороны современного общества. Им написаны две драмы в стихах: «О трех отроках» и «О блудном сыне» — нравоучительного характера.

Объясняя цель, которую он преследовал драмой «О блудном сыне», Симеон Полоцкий писал:

Юным се образ старейших слушать
На младый разум свой не уповати.

Симеон явился инициатором организации в Москве первой высшей духовной школы, по примеру Киевской Академии. Он написал проект устава Московской Академии, которая была создана после его смерти под именем славяно-греко-латинской академии, при Заиконоспасском монастыре.

Усилия Церкви и ее служителей укрепить нравственные начала в народе, развить национальное самосознание и патриотические чувства людей, не были оторваны и от прямых кровных интересов общественной, государственной жизни. Православие возникло у нас, росло и развивалось как активный участник собирания государства Российского. В делах Церкви отражались великие общественные силы, двигавшие Россию вперед. Монастыри и Церкви становились средоточием жизни, притягательной силой, источником патриотизма и духовной силы народа и его правителей. Православная Церковь учила князей государственной мудрости, звала к прекращению междоусобицы, к единению для блага родной земли.

Преподобный Кирилл, основатель Кирилло-Белозерского монастыря, поучал сына Дмитрия Донского, великого князя Василия Дмитриевича, указывая ему, что распри между князьями тяжело отзываются на народе: «Крестьяном кровопролитие велико чинится». Кирилл убеждал князя примириться с князьями суздальскими, внять голосу разума. В послании к другому князю Андрею Дмитриевичу Можайскому старец и друг простого народа дает наставления, как надо княжить и отно-

ситься к людям, как важно во все дела входить самому и заботиться о благе народа. Он советует князю уничтожить корчмы: «занеже, господине, то велика пагуба душам: крестьяне ся, господине, пропивают, а души гибнут».

История сохранила факты коллективных обращений со стороны духовенства к князьям. Так, например, соборное послание, адресованное князю Дмитрию Шемяке, известному своим злым характером и несправедливостью, резко осуждало князя за отказ помочь великому князю Василию Васильевичу в борьбе с татарами. Авторы послания призвали: «Побереги, господине, и свою душу, свое христианское крестное целование, а мы твои богомольцы просим за тебя Бога».

Когда хан Ахмет подошел к Угре, митрополит Геронтий с духовенством отправил специальное послание князю Ивану Васильевичу, медлившему вступать с татарами в битву. С посланием к князю обратился и старец Вассиан, о котором мы уже говорили. В этом замечательном, патриотическом документе, Вассиан писал: «Не слушай тех священников, которые хотят твою честь ввести в бесчестие, славу твою переложить в бесславие и «бегуну явится и предателю христианства именоваться... «Вспомни слова Христовы: блажен человек, иже положит душу свою за други своя». Вассиан ссылается на храбрых предков Ивана Васильевича: Игоря, Святослава, Владимира Святого, Владимира Мономаха, Дмитрия Донского.

Православная Церковь чутко реагировала на поступки и дела князей и других высокопоставленных лиц. Очень часто, в трудную годину, раздавался голос духовных вождей Церкви, призывавших свято соблюдать целостность русской земли, бороться не щадя живота, с иноземными захватчиками и поработителями. Так было во времена татарского ига и во времена смуты. Всегда будет памятен народу вдохновенный образ Патриарха Гермогена, великого патриота и человека, призывавшего к всенародному ополчению для борьбы с поляками, вторгшимися в пределы нашей земли.

Интересами Родины и ее будущего, руководствовался и Патриарх Иоаким, когда при царе Феодоре Алексеевиче, решительно выступил против намерения боярской думы разделить русское царство на наследственные наместничества. Добившись отмены этого плана, он внес ценнейший вклад в дело единения Руси.

Православная Церковь морально и духовно вооружила русский народ и представителей власти, для борьбы за счастье Родины, чтобы та могла: «расти, младеть и возвышаться». Старец Псковского Елизамова монастыря Филофей подробно развил идеи возвышения Москвы как третьего Рима. По его мысли, старый Рим, а затем и Константинополь пали потому, что изменили Православию. Осталась Москва, хранительница благочестия, к которой перешли все лучшие традиции православной Византии. Он считал, что царство Русское есть мировое царство, за которым последует вечное царство христианской веры.

Эти взгляды пользовались большой популярностью. Их разделяли многие. Они нашли свое выражение в украшении столицы прекрасными храмами и таким творением, как Кремль — замечательная святыня русской земли. Как в период собирания Киевской Руси, так и в собирании Северной Руси вокруг Москвы Церковь до конца проявила себя как последовательный борец за единство Родины. Поэтому и те из наших князей и царей, которые отличались государственной мудростью и духом преобразования, высоко ценили заслуги Церкви и ее пастырей. С детства питающий большое уважение к монастырям, где он бывал неоднократно, Иван Грозный окружил себя избранными советниками, в числе которых были: священник Сильвестр, пресвитер Андрей Протопопов, бывший Троицкий игумен Артемий, Рязанский епископ

Кассиан и др. Долгое время близким лицом к царю был Митрополит Макарий, замечательный просветитель и ученый своего времени.

Задумав создать большой, капитальный труд Четий-Миней, в котором хотел запечатлеть все известные памятники письменности (переводные и русские, отечественные) Макарий работал над этим 12 лет. К 1552 г. этот огромный сборник, состоящий из 14 тыс. больших листов был закончен и положен им в Успенском соборе. Под руководством Макария была составлена также знаменитая Степенная книга, над которой работал архимандрит Афанасий. (В книге дается описание всех этапов древней русской истории).

Макарию же принадлежит идея постройки в Москве, великого и прекрасного храма Василия Блаженного, в память покорения Казани. Макарий был одним из лучших, просвещенных людей эпохи Ивана Грозного. Сам царь в одном из своих писем к архиепископу Казанскому Гурию писал: «О Боже! сколь бы счастлива русская земля была, коли бы вси владыки тащи были, яко преосвященный Макарий...»

Почти тысячу лет назад над нашей землей воссияло солнце христианской веры, чтобы никогда не померкнуть больше. Свершилась воля Божия, избравшая русский народ хранителем чистоты христианского учения, творцом своего счастья и счастья будущих поколений.

Оглядываясь назад, на путь пройденный Православием в России, можно без тени лицемерия, сказать о его великой, прогрессивной роли. Благодаря Церкви еще выше было поднято святое знамя единства нашей земли, знамя патриотизма, любви к Родине, знамя просвещения.

М. Павлов

МЕСТО УСТНОЙ ТРАДИЦИИ В ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ДРЕВНЕЦЕРКОВНОЙ МЫСЛИ

Актровая речь профессора Ленинградской Духовной Академии А. И. Сагарды

Содержание:

- I. Постановка вопроса.
- II. Условия возникновения устной традиции.
- III. Условия дальнейшего развития устной традиции.
- VI. Вселенская Церковь и поместные Церкви, как хранительницы устной традиции.
- V. Живая цепь устной традиции:
 1. Апостолы, пророки, учителя, евангелисты в посланиях Ап. Павла, в «Учении XII Апостолов» и в «Пастыре» Ерма.
 2. Пресвитеры Папия Иерапольского, св. Ириней Лионского, Климента Александрийского, Оригена, св. Ипполита Римского, Дионисия Александрийского.
 3. «Преемники Святых Апостолов» у Евсевия Кесарийского.
- VI. Убедительность и устойчивость устной традиции.

I

Ваше Высокопреосвященство, Ваше Преосвященство, дорогие коллеги, Высокочтимое Собрание!

Высокопреосвященный Митрополит Григорий, по представлению Совета Ленинградской Духовной Академии, утвердил и благословил, чтобы традиционная актовая речь в день памяти Св. Иоанна Богослова, Небесного покровителя нашей школы, в этом году была предложена на тему: «Место устной традиции в истории развития древнецерковной мысли».

Здесь мы должны будем несколько отрешиться от обычных наших представлений и полнее уяснить себе и понять одну особенность древнего христианства, а именно — глубокое и постоянное взаимообщение верующих в мысли и жизни, факт, засвидетельствованный всей новозаветной и древнецерковной письменностью, отмеченный и такими противниками христианства, как Плиний Младший, Лукиан Самосатский, Цельс.

Вместе с тем мы должны будем здесь отчетливо представить себе и особый характер древнецерковных писателей. Это не были кабинетные писатели или кабинетные мыслители. Это были непосредственные участники жизни и страданий древнего христианства, подлинные выразители веры и надежды. Это были не великие писатели, но прежде всего великие характеры, отразившие в своей жизни и литературной деятельности многообразие традиций, хранимых христианскими общинами.

Древняя Церковь не знала изолированной научной мысли от непосредственной церковной жизни.

Один из заветов ее, переданный нам в послании, усвояемом Ап. Варнаве, гласит:

«Смотрите внимательно на дела пути злого. Вы не должны отделяться от других, как будто вы были оправданы, но, собираясь в одно

место, исследывайте, что прилично и полезно всем возлюбленным вообще; ибо Писание говорит: «горе тем, которые мудры в себе самих и пред самими собой разумны».

Мы не ставим своей задачей — изложить здесь учение Церкви о Священном Предании. Этот предмет на нашей отечественной почве изучен уже многими, часто высоко авторитетными мыслителями-богословами, начиная от автора «Камня веры» — Стефана Яворского.

Наша задача другая — представить предание, как исторический факт, проследить его в жизни и действии, непосредственно ощутить биение пульса древнецерковной, поистине вселенской, поистине католической мысли.

Конкретно задачу нашей актовой речи составляет, во-первых, раскрыть в жизни Древней Церкви общие условия возникновения устной традиции, во-вторых, охарактеризовать условия ее дальнейшего развития, в-третьих, указать ее ближайших носителей и, в-четвертых, отметить основные и главнейшие пункты ее содержания, причем параллельно представить организующее и материальное воздействие устной традиции на памятники Новозаветной и древнецерковной письменности.

Во всех этих случаях хронологическим рубежом для нас служат пределы «Церковной Истории» и «Хроники» Евсевия Кесарийского.

Миланский эдикт 313 года действительно является огромнейшим рубежом в жизни Церкви, знаменуя собою ее победу и торжество.

Еще одна оговорка. Конечно, в рамках актовой речи поставленные вопросы и в границах до Миланского эдикта могут быть раскрыты только схематически, с величайшим самоограничением. Вообще же они заслуживают и требуют исчерпывающего изучения, поскольку касаются самых глубинных родников церковной мысли и жизни.

II

Итак, первым подлежит обсуждению вопрос об условиях возникновения устной традиции в жизни древней Церкви.

Сам Господь наш Иисус Христос ничего не писал. Семена Своего учения Он сеял устно и не обращался к перу; но Он знал, что учение Его будет проповедано в целом мире (Мф. XXVI, 13) и будет возведено всем народам (Мф. XXVIII, 19), что небо и земля прейдут, но слова Его не прейдут (Мф. XXIV, 35).

Как же это могло исполниться? История дает на этот вопрос исчерпывающий ответ чрез образовавшееся предание, основанием для которого послужили память, внимание и благоговейная любовь учеников Иисуса Христа.

Представить только себе замечательную крепость и свежесть древней устной памяти, которая сохранила Риг-Веды, поэмы Гомера, Талмуд! «Доброго ученика память, — говорит Талмуд, — подобна водоему, обложенному крепчайшим цементом: капли не вытечет».

Навстречу этой испытанной силе памяти идет единственная, неповторимая, несоизмеримая ни с какой человеческой мерой, отмеченная знаком человеческой единственности, внутренняя сила слов Господних.

Весь характер проповеди Господа, как нельзя более подходил к такому способу передачи: непосредственно из уст в уста, от сердца к сердцу. Короткие фразы; образный способ изложения; притчи, которые, раз услышав, нельзя уже забыть. «Вышел сеятель сеять». «Построил дом на песке». «Бревно в своем глазу, сучок в глазу брата». «Слепой слепого ведет в яму»... Наставления, то убажашающие, то грозные. Рядом с этим слова, глубоко ранящие сердце, прямо вонзающиеся в него, как острый шип: «Я голодал и вы не дали Мне есть; жаждал,

и вы не напоили Меня...». Поистине «никогда человек не говорил так, как этот Человек» (Иоанн. VII, 46).

Великие истины, возвещаемые Господом, Он нередко повторял почти в одних и тех же выражениях. Поэтому ученики Его, постоянно сопровождавшие Его, без затруднения могли воспроизводить сказанное Им: память одного восполняла память другого.

Здесь трудно будет перечислить всех носителей этой устной традиции, которые в первом поколении по воскресении и вознесении Господа свидетельствуют о Нем.

Это прежде всего, двенадцать учеников Господа, и среди них любимейший ученик, возлежавший на Его груди, слышавший, как бьется Его сердце.

Это, прежде всего, Богородица, о которой Евангелист и Деятели, «возлюбленный врач» Лука, несомненно подчеркивая свой источник данного сообщения, повествует: «А Мария сохраняла все слова сии в сердце Своем» (Лк. II, 51).

Это — родственница Богородицы Мария, жена Клеопы, брата Господни — Иаков, Иуда, Симеон.

Это — Лазарь, Марфа, Мария, Никодим, Иосиф Аримафейский, Мария Магдалина, Иоанна, Сусанна.

Это — семьдесят учеников Господа и пятьсот братьев, видевших Его воскресшим из мертвых, — большинство из них были еще живы, когда Св. Павел писал свое первое послание к Коринфянам, т. е. в 57 году.

Подумать только — какое доверие вызывали свидетельства таких самовидцев Христа, носивших на себе видимые следы Его могущества и милосердия, как дочь Иаира, на заре своей юности озаренная сиянием Его небесной славы, как исцеленные Им бесноватые, кровоточивые, глухие, немые, слепые, расслабленные и прокаженные, которые не могли не свидетельствовать о своем Благодетеле!

Могла ли Марфа забыть укор Христа: «Ты заботишься и суетишься о многом, а одно только нужно» (Лк. X, 41—42)?

Мог ли Закхей забыть слова, сказанные ему: «Сегодня Мне надобно быть у тебя в доме» (Лк. XIX, 5)?

Дети, благословенные Иисусом Христом, и те, которые восклицали Ему: «Осанна, Сыну Давидову», возмужав, также внесли свою долю в эту величественную сокровищницу устного предания о Христе.

Так, вполне естественно, без какого-либо предвзятого намерения, составила устная традиция, разнообразная по форме и в подробностях, но определенная и точная по существу.

«Помнят не только слова Его, но и звуки живого голоса, лицо, взгляд, движение, с какими слова были сказаны, и где, и когда: все, как сейчас помнят, потому что любят».

Вифания и Вифлеем, Иерихон и Иерусалим, Назарет и Капернаум, Кана и Кесария Филиппова, Иудея и Самария, Галилея и Десятиградие, страны Тирские и Сидонские, Фавор и Ермон: отовсюду шли свидетели и свидетельства, утверждавшие подлинность и непреложность этой устной традиции, составлявшей основу всей дальнейшей проповеди христианства.

Апологет Квадрат в своей апологии, поданной истому язычнику императору Адриану, свидетельствовал: «Дела Спасителя нашего всегда были очевидны, потому что были истинны. Исцеленные Им и воскресшие Им из мертвых были видимы, не только когда исцелились и воскресли, но и всегда они жили не только в пребывание Спасителя на земле, но довольно долго оставались в живых и по Его отшествии, некоторые же дожили и до нашего времени».

Отсюда, на этой основе устной традиции, священнописательская деятельность, руководимая Духом Божиим, создала четверицу наших

Евангелий, которая соответствует четырем странам света, и «самым таинством своей численности, по выражению блаж. Августина, свидетельствуют о всемирном распространении Церкви Христовой», — ту четверицу, которая является подлинно исторической не только потому, что она изобразила исторического Христа и историческое благовестие Христово со всей объективностью и насколько возможно — всесторонне, но и потому, что она является глубоко историческим фактором развития всего человечества, потому что она не оставляет без потребного благовестия ни одного периода нашей жизни, ни единого запроса человеческой души на всем протяжении мировой истории, при всем разнообразии наций, народов, индивидуальностей, состояний, желаний и надежд.

Отсюда, из устной традиции, ближе всего, из бесед с Апостолом Петром, черпал и Апостол языков, обратившийся ко Христу, вероятно, в 37-м году, во всяком случае, через несколько лет после смерти и воскресения Господа.

«Напоминаю вам, братия, Евангелие, которое я благовествовал вам, которое вы и приняли, в котором и утвердились, которым и спасаетесь, если преподанное удерживаете так, как я благовествовал вам, если только не тщетно уверовали. Ибо я первоначально преподавал вам, что и сам принял, т. е. что Христос умер за грехи наши по Писанию, и что Он погребен был, и что воскрес в третий день по Писанию» (I Кор. XV, 1—4).

Сила этих свидетельств Св. Павла о жизни Христа, — почерпнутых из устной традиции, такова, что если бы даже не было никаких других свидетельств о Нем, то мы все-таки знали бы о Христе с большей точностью, чем о многих других исторических лицах, не только то, что Христос был, но и то, как жил, что говорил, делал и за что умер.

Все, что записано в Евангелиях о Христе, можно прочесть в течение всего лишь немногих часов, а учил Он свыше трех лет. Ясно, поэтому, что много, много слов Господних не вошло в Канон. «Многое еще другое сотворил Иисус, но если бы писать о том подробно, то, думаю, миру не вместить бы написанных книг» (Иоанн. XXI, 26). Но устная традиция, в дополнение к Евангелиям, сохранила ряд изречений Господа и понесла их дальше. Так возникли *Аγροφα*, т. е. «незаписанные» в Евангелии, но сохраненные в позднейшей древнехристианской письменности слова Господни.

Первый такой благоуханный цветок из божественного Галилейского луга сохранил Дееписатель: «Надобно памятовать слова Господа Иисуса, ибо Он Сам сказал: «блаженнее давать, нежели принимать» (Деян. XX, 35), — а последний — Св. Ефрем Сирий: «Мир на милости созиждется». Одно из многочисленных усвояемых Христу изречений: «Будьте испытанными менялами», — упоминается в послании Климента Римского, несколько раз в «Строматах» Климента Александрийского и у Оригена, в Постановлениях Апостольских, в творениях Кирилла Иерусалимского, Василия Великого, Кирилла Александрийского, Иоанна Златоустого, бл. Иеронима, Иоанна Дамаскина, Феодора Студита. По подсчету ученого Resch'a, в его прекрасной книге *Аγροφα* (Leipzig, 1900), ссылок на эти слова Христа можно перечислить не менее 69.

Английские ученые Гренфель и Гент открыли в конце прошлого века в Египте, на краю Ливийской пустыни, в христианском гробу II—III вв. три полуистлевших клочка папируса. Здесь на этих клочках сохранились 42 строки греческого письма с шестью аграфами и началом седьмого. Один из них подлинно, как бы из уст Господа услышанный, гласит: «Там, где двое... были не без Бога, и где человек один, Я с ним».

Эхо незаписанных слов Господних, услышанное, если не ухом, то краем сердца, разнеслось очень далеко. В пустыне Северной Индии, в развалинах запустевшего города, на воротах рухнувшего моста сохра-

нилась арабская надпись, которая гласит: «Иисус — мир да будет над Ним — говорит: мир сей мост; проходи по нем и не строй себе дома». Один из современных западных писателей, приводя эту надпись, спрашивает: «Не значит ли это, что единая Вселенская Церковь больше, чем кажется нам, больше, чем, может быть, ей самой кажется».

В отеческих писаниях и гностической литературе имеются извлечения из древних апокрифических Евангелий или простые упоминания о них. Одни из них содержали еретические искажения предания о жизни и учении Господа, а иногда просто нелепые вымыслы и нередко выдавали себя за написанные одним из 12 или кем-либо из известных деятелей первохристианства. Так возникли Евангелия: Петра, Филиппа, Фомы, Варфоломея, Иакова, Варнавы, Иуды, Никодима. Другие из них, как, например, Евангелие от евреев, Евангелие от египтян или Евангелие 12 апостолов, бесспорно восходят к глубокой древности, написаны мужами, которые принадлежали к Церкви и своим писанием стремились содействовать распространению благовестия о Христе, и отражали древнейшую устную традицию. Возможно, что эти последние Евангелия или все, или некоторые из них, имел в виду евангелист Лука в первых стихах своего Евангелия.

Дело в том, что, как замечает проф. Н. Н. Глубоковский «нет филологических оснований соглашаться с древним пониманием, что в «прологе» (т. е. Лк. 1, 1—4) разумеются непременно еретические литературные фабрикация, авторы которых равны ветхозаветным лжепророкам и даже хуже их». Здесь нет ни явного, ни скрытого обвинения за моральные свойства выполненной работы. Констатируется, только, что эти попытки в своем воспроизведении Евангельской истории не дали надлежащей точности, не достигли поставленной задачи и потому оказались неудачными.

Проф.-прот. А. В. Горский на первом месте по большей близости к чистым источникам устной евангельской традиции ставит Евангелие от евреев.

Рядом с устной традицией о Христе стала такая же традиция, с трогательными подробностями о жизни и деятельности и Его избранных, носителей высшего посвящения в Его таинства.

Эти рассказы о жизни Апостолов, о проповеднических подвигах их, чудесах, пережитых испытаниях и мучительной кончине, распространялись уже с первых времен христианства, наравне с повествованием о жизни Самого Спасителя.

Частичное свое отражение они нашли в канонических «Деяниях Святых Апостолов». Мы не поймем этой книги ни в ее происхождении, ни в ее содержании, ни в ее глубокой исторической подлинности и фактической бесспорной достоверности, если не сведем ее к первоисточникам устной традиции. Деесписатель — апостольский муж живых преданий. Многие он изображает, как непосредственный участник, двигавший и переживавший события. Но многое он изображает по живому голосу самых выдающихся личностей апостольской эпохи, с которыми он был в тесных связях.

Это — голос Апостола Павла. Он сам передавал своему доверенному спутнику о последней речи священномученика Стефана, которая глубоко запечатлелась в душе молодого фарисея и затем, несомненно, слышится в апостольских посланиях, об обстоятельствах его кончины, о своем обращении ко Христу и о многих фактах и актах своей миссионерской деятельности.

Это — голос членов Антиохийской общины, через которых деесписатель надежно и основательно ознакомился с многими обстоятельствами из жизни важнейшей первохристианской общины.

Это — голос Филиппа, который активно участвовал в событиях пер-

вохристианской общины и сообщил о них деписателю во время его пребывания в Кесарии Палестинской.

Это — голос пророка Агава, хорошо осведомленного о первенствующем христианстве.

Это — голос евангелиста Марка, племянника Варнавы, сына Марии, дом которой в Иерусалиме был давним и обычным прибежищем для верующих. Здесь, в этой благочестивой семье, тщательно собирались и заботливо сохранялись дорогие христианские предания и светлые христианские воспоминания. Бесспорно они были известны Марку, и его, именно, голос слышится в наглядном и ярком описании избавления Ап. Петра, причем не забыта и «отроковица» Рода со всей гаммой ее переживаний: от опасений и тревоги до радости.

Задачей книги «Деяний Святых Апостолов» было изобразить распространение Царства Христова в мире через авторитетных по своему званию и уполномоченных служителей Господних. Осуществляя эту задачу, деписатель следует обычному приему всей древней и наилучшей историографии и сосредотачивает свое внимание на двух величественных личностях апостольской истории, на Апостоле Петре и Павле, и к ним стягивается все многостороннее движение первохристианской эпохи, но нигде не дает настоящей биографии ни одного из Апостолов. «Кроме Иакова Зеведеева — нет хотя беглой заметки о кончине их во всех новозаветных памятниках, и даже о св. Апостоле Петре не сказано, где, когда и как он «прославил Бога» тою смертью, какая была предвозвещена ему Самим Господом».

Скудные данные единственной исторической книги нашего канона восполняются обширным запасом устных преданий, которые нашли свое отражение в последующих письменных христианских памятниках, и которые связаны с именем каждого из двенадцати апостолов.

Часть этих преданий, конечно, лишь красивые легенды, благоухающий венок мистической поэзии, возложенный на колыбель христианства, но многие из них имеют серьезное значение для истории первоначального христианства и основаны на достоверных воспоминаниях.

«Эти традиции дают нам полную картину того восторженного порыва к проповеди, который явился «победой, победившей мир».

«Они восстанавливают равновесие факторов апостольской истории и указывают, что поразительно быстро успех христианской проповеди отчасти объясняется дружными усилиями многих проповедников, что пламя религиозного восторга было зажжено во всех концах древнего мира подвигом многих.

«Они легли в основу всех принятых Церковью традиций о деятельности и жизненной судьбе апостолов.

«Из них заимствованы предания о внешнем облике Апостолов, неизменно сохраненные в церковной иконографии вместе с особыми атрибутами каждого Апостола (меч Ап. Павла, крест особой формы Ап. Андрея и т. п.).

В этих старых преданиях сохранились столь дорогие Церкви традиции о месте благовестнического служения и о роде смерти каждого Апостола, о дивном видении Ап. Петру в Риме, у городских ворот, на Аппиевой дороге, о подробностях смерти Апостолов Петра и Павла, о проповеди Апостола Андрея Первозванного среди скифов, о чудесном избавлении Ап. Иоанна от страдальческой смерти при имп. Домициане, о проповеди и мученической кончине Ап. Фомы в Индии, Ап. Варфоломея у парфян, ап. Фаддея в Месопотамии, о благовестии Марии Магдалины в Риме и т. д.

Они, — эти дорогие Церкви, — устные традиции влились в церковную службу, неразрывно сочетались с христианским сознанием, вдохновляли и продолжают вдохновлять христианское искусство.

На базе этой устной традиции, но до крайности искаженной возникли наряду с каноническими «Деяниями Апостолов», многочисленные апокрифические «Деяния» апостолов: Петра, Павла, Иоанна, Фомы, Андрея и т. д. Почти все они примыкали к циклу мистической христианской литературы и пользовались большим почетом среди гностиков. Особое место среди этой апокрифической литературы занимают «Деяния Павла и Феклы», сохранившиеся до нашего времени, правда, в несколько переделанном виде. Под наслоениями позднейших добавлений здесь лежат несомненные исторические данные.

Можно думать, что содержащееся там описание внешности апостола («небольшого роста», «лысый» и т. д.), упрочившееся в христианской иконографии, соответствовало истине и воспроизводило впечатлительные людей, лицезревших великого Апостола.

Исторична также упоминаемая в книге покровительница и заступница св. Феклы «царица Трифена». Научные исследования установили, что это — понтийская царица Трифена, внучка триумвира Антония, мать Полемона II, понтийского царя, приблизительно с 38 по 63 гг. нашей эры, т. е. именно в эпоху пребывания Павла в Малой Азии.

Исторична и сама героиня повествования, добродетельная и бесстрашная девушка Фекла, любимая ученица Св. Павла, восторженная благовестница и исповедница веры Христовой, кровью вписавшая свое прекрасное имя на одной из первых страниц христианской истории. Церковь причислила ее к лику своих святых и празднует ее память 24-го сентября — 7-го октября. «Житие» ее, помещенное в Четырехминиях Св. Димитрия Ростовского целиком основано на древних «Деяниях Павла и Феклы».

III

На очереди стоит второй вопрос: об условиях дальнейшего развития устной традиции.

Устная традиция древней Церкви в течение всех первых трех веков идет без перерыва, подобно великой реке. Чистейшие воды ее, это те, которые нашли свое отражение в наших четырех канонических Евангелиях и других новозаветных писаниях, но в течении своем она принимает другие значительные притоки и отдельные ручьи и ручейки, приносящие ей с разных сторон новые богатства.

Эти новые притоки и новые ручейки, вливавшиеся в величественную реку устной традиции, родились и рождались в условиях напряженной борьбы Церкви за свое существование, борьбы как в жизни, так и в мысли.

Евангельская проповедь шла в глубоко враждебной среде, которая активно и ожесточенно противодействовала ей. Христианству на всех путях и перепутьях, в мыслях и в быту противодействовали две силы, крепко сложившиеся, давно уже отвердевшие и глубоко проникшие — каждая в сфере своего влияния — во все поры государственной, общественной, семейной и личной жизни. Этими двумя силами были иудаизм и язычество. Новая религия, быстро и властно выступившая из туманных далей неизвестности, не знала копромисса. Или — или. Рвались самые живые нервные узлы кровного родства, семейных привязанностей, личной дружбы, общественного положения, служебных обязанностей, всего быта. Это было мучительно больно. Одна повесть о таких переживаниях, написанная в дни перед казнью самой страдальцей женщиной, блаженной Перепетуей и сохраненная заботливо рукою христианина, думают, Тертуллиана, дошла до нас. Она, эта повесть, написана на чужом и мертвом языке, написана

17 веков тому назад, но и сегодня она волнует, рассказывая о страданиях и переживаниях молодой женщины, поставившей верность Христу выше дочернего и материнского долга.

«Пришел ко мне отец, полный печали, упал на землю, простерся предо мною и стал говорить такими словами, которые могли бы поколебать всю тварь». Но они не поколебали Перепетуи, и она умерла мученически.

Когда воин-христианин Маркиан шел на казнь, вслед за ним шла его жена — язычница. «Горе мне несчастной. Что не отвечаешь мне? Презираешь меня ты, господин. Посмотри на сына твоего сладчайшего, возвратись к нам, не презирай нас. Куда спешишь, куда стремишься, почему ненавидишь нас?»

Одного слова со стороны Маркиана было бы достаточно, что бы вернуть улыбку любимой женщине, радость своему ребенку, мир и счастье своей семье — но этого слова не было сказано, и Маркиан умер под мечем.

Здесь исполнились страшные слова Господа: «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч» (Мф. X, 34).

Этот меч разрывал и разрушал глубочайшие основы старого иудеоязыческого мира, и старый мир, перед лицом надвигающейся и неизбежной смерти, сопротивлялся всеми силами невежества, наветов, клеветы, жестокости, гонений и казней.

Св. мученик Иустин Философ, Тертуллиан, Ориген, мученические акты, Евсевий Кесарийский, Епифаний Кипрский, Андрей Критский, Иоанн Дамаскин, монах Епифаний и др. частично вскрывают содержание устной пропаганды, которая была направлена тогда к опорочению личности Основателя христианства.

«Осмелились называть Христа волхвом и обманщиком народа».

«Послали избранных людей из Иерусалима во всю землю возглашать, будто явилась безбожная ересь христианская, и распространять клеветы против нас, которые не знающие нас обыкновенно повторяют».

«Разослали по всей вселенной избранных мужей разглашать, что «появилась безбожная и незаконная ересь чрез Иисуса, какого-то Галилеянина, льстеца, Которого мы распяли, но Его ученики ночью похитили Его из гроба, где Он был положен по снятии со креста, и обманывают людей, что Он воскрес из мертвых и вознесся на небо».

Это свидетельство Иустина Философа в его «Диалоге с Трифоном».

«Утверждали, что Христос занимался вызыванием умерших и этою силою был воскрешен».

Это свидетельствуют акты св. Пиония, мученически скончавшегося в 250 г. в Смирне.

«Передавали: «В канун пасхальной субботы повешен был Иисус Назарянин, а до того глашатай ходил перед ним сорок дней, возглашая: «Сей Иисус Назарянин идет на побитие камнями за то, что волхвовал, обманул и оболстил Израиль. Кто знает, чем Его оправдать, да придет и свидетельствует». Но не нашли Ему оправдания и повесили Его».

Это свидетельство также идет из глубокой древности.

В сочинении Цельса «Истинное Слово» было собрано много кощунственных повествований о Христе, Его происхождении, Его Матери и приемном отце, Его жизни и смерти.

Подводя им итог Цельс пишет: «Жалкою смертью кончил жизнь, и вы хотите, чтобы мы верили в Него, как Бога».

Минуций Феликс, Татиан, Тертуллиан, Климент Александрийский, Ориген, Лактанций, Арнобий и другие в своих творениях собрали многое из того, что распространяли тогда о самих христианах.

Христиане оказывались ответственными за каждое общественное бедствие. Если Тибр вышел из берегов и вошел в город, если Нил разлился по полям, если не было дождя, если произошло землетрясение, если случился голод или эпидемия, по стране несся крик: «Христиан ко львам!»

От слов переходили к делу. Тертуллиан выразительно характеризует положение, создавшееся в результате всех этих обвинений.

«Мы ежедневно находимся в блокаде, нас ежедневно открывают, нас весьма часто захватывают в самых наших собраниях».

«Сколько раз враждебная нам чернь нападала на нас с камнями и огнем по собственному произволению».

«Христиан раздирают железными когтями, распинают на крестах, пригвождают к столбам, подвергают огню, мечом пересекают горло, бросают зверям».

«Не щадят христиан даже мертвых и их вытаскивают из гробов».

Было бы глубоко неисторичным думать, что в течение более чем двух с половиною веков озлобленных наветов, неистовой травли и кровавых гонений, при одновременном изумительном, поистине чудесном распротранении христианства,— все дело защиты со стороны христиан ограничилось только несколькими литературными памятниками. Неужели здесь могли быть решающими «Диалог Иасона и Паписка о Христе», написанный Аристоном Пелльским, «Диалог с иудеем Трифоном» Иустина Мученика, апологии Квадрата, Аристида Афинского, Иустина Мученика, Татиана, Мильтиада, Аполлинария Иерапольского, Афинагора Афинского, Феофила Антиохийского, Минуция Феликса, труд Ермия, послание к Дионгету, сочинение Оригена «Против Цельса», написанное уже через семьдесят лет после появления «Истинного Слова» и другие. Это только отдельные звенья, чрезвычайно ценные и нужные, бесконечно дорогие нам, но только отдельные звенья в длинной и сложной цепи той героической идеологической борьбы за Христа, которая шла по всей территории Римской Империи и продолжалась в пределах царства Сассанидов, т. е. охватила весь культурный мир того времени.

О степени напряженности этой идеологической борьбы, если бы недостаточными оказались факты, сообщаемые деписателем, вы можете судить по другим бесчисленным фактам позднейшей истории Церкви.

Мы не знаем благодатное семя Христова учения в Риме, но знаем, что в 50 или 51 году, т. е. всего лишь через два десятка лет после смерти и воскресения Господа, споры о Христе среди иудеев, проживавших в Риме, достигали такого напряжения, настолько нарушили общественное спокойствие в городе, внесли такую смуту в жизнь всего города, что император Клавдий издал приказ об изгнании из Рима всех иудеев. Об этом свидетельствуют два древних римских источника: Светоний и Дион Кассий, и книга Деяний Св. Апостолов.

Перевод 70-ти был благоприятен для христиан в их полемике и апологетике, и напряженность идеологической борьбы была так велика, что созданы были три новых перевода книг Св. Писания Ветхого Завета (Акилы, Симмаха и Феодотиона), которыми и пользовались в полемике против христиан.

В этой устной защите христианами своей веры заложены были прочные основы христианского понимания мировой истории и учения о двух путях откровения Господня, во-первых, среди избранного народа, во-вторых, в языческом мире. Здесь раскрывалось учение о Христе, Боге и Человеке, Искупителе мира, о Церкви, основанной Им и призванной объединить весь мир.

Люди, которые не боялись умереть за Христа, тем менее боялись

защищать. Его в меру своего разумения. Каждый христианин считал это своим долгом. И не напрасно книга «Апостольских Постановлений», предупреждала против крайностей в этом направлении и дурных последствий этого.

«О разрушении идолов и о том, что Бог только один, о мучениях и покое, о царстве имени Христова и Его водительстве ни одна вдова не обязана говорить. Говоря без знания учения, она навлекает хулу на слово. Ибо Господь наш сравнил Слово Своего Евангелия с зерном горчичным, и если эта горчица приготавливается неумело, то она горька и крепка для потребляющих ее... Если обратившиеся язычники слышат Слово Божие, проповедуемое им не так, как приличествует, согласно предписанию для созидания вечной жизни, и особенно потому, что возвещается им женщиной о воплощении нашего Господа и о страданиях Христа, то они насмеваются и издеваются, вместо того, чтобы прославлять слова учения, и таковая делает себя повинной греху великого суда».

Христианская наука, христианское церковно-историческое знание, несмотря на их уже многовековое существование, не дали еще работы или работ, где благоговейной рукой ученого труженика были бы собраны свидетельства древнехристианских памятников, начиная с надгробных надписей и эмблем и заканчивая творениями отцов и учителей Церкви, о многообразном содержании устной древнецерковной традиции. Нужно даже признать, что почва для такой сводной работы еще не расчищена. Устная традиция по необходимости охватывала все стороны жизни древней Церкви. Дошедшие до нас от того времени памятники христианской и церковной письменности надлежит понимать только как фрагмент большой и сложной жизни, которая более полное свое отражение находила в устной традиции.

Здесь отразились не только метод и содержание христианской полемики с язычниками и иудеями, не только благоговейные воспоминания о героях Церкви — мучениках, но все многообразие церковной мысли и жизни.

Из сокровищницы устной традиции Св. Ириной Лионский заимствовал и запечатлел в своих творениях «правило истины», т. е. символ веры, исповедуемый при крещении, обоснование четверицы Евангелий, истолкование многих мест Св. Писания, ценное и для современной экзегетики, решение вопроса о месте пребывания Еноха, определение продолжительности служения Господа.

Отсюда св. Ириной Лионский заимствовал и учение о тысячелетнем Царстве Христа или хилиазм. Но, изъясняя в хилиастическом смысле обетования пророчества Исаии XI, 6—9, LXV, 18—23, 25 — св. Ириной подчеркивает, что устная традиция сообщала и другие толкования этих мест, не согласные с его изъяснениями. Например, одни пытались отнести пророчество Исаии о волках и агнцах к «диким людям», которые, уверовав, войдут в единение с праведниками, другие принимали чувственные образы пророческих описаний будущего царства за аллегория. Эти истолкования плохо мирились с хилиазмом, второе и вовсе исключало его.

Из устной традиции и из непосредственной живой практики Церкви Тертуллиан заимствовал свои сообщения о молитвах Церкви за императоров, об их благоденствии, о благосостоянии империи, храбрости воинства, о верности сената, о благоденствии народа и о мире всего мира, а также о том, что эти молитвы основывались на истолковании о хатеуш II Фесс. II, 7—8. «Мы знаем, что предстоящая всему земному миру величайшая катастрофа, и самый конец мира, грозящий страшным бедствием, замедляется римской властью. Мы не хотим испытать этой

катастрофы и этого конца, и потому, когда молимся об отсрочке этого, то этим самым содействуем и продолжению римского государства».

Из устной традиции Тертуллиан заимствовал и запечатлел в своих творениях «Правило истины», или Символ Веры, учение о таинствах крещения, миропомазания, брака, сообщение об обрядах при крещении и миропомазании, о крестных чадах, о часах молитвы, об обычае молиться в день Пасхи стоя, а в дни постов — с коленопреклонением.

У Тертуллиана мы встречаем записанным древнее предание, будто бы соблазнительями дочерей человеческих, о которых упоминается в книге Бытия, были падшие отверженные ангелы.

Из устной традиции и непосредственной живой Церковной практики Климент Александрийский заимствовал и закрепил в своих творениях «Канон или правило истины», т. е. Символ Веры, учение о Приснодеве Богоматери, о живом общении членов Церкви земной с небесной, из области церковного благочиния — о часах молитвы, об обращении молящихся на восток, и многочисленные истолкования книг Св. Писания Ветхого и Нового Завета.

Из устной традиции Климент заимствовал и сообщил нам предания, уточняющие год, месяц, число и день Рождества, Крещения и Распятия Господа, многочисленные предания о жизни и подвигах Апостолов и среди них то дивное повествование об Иоанне Богослове, которое читается в конце беседы «Какой богач спасается».

Здесь, в преданиях Александрийской Церкви, наследованных Климентом и Оригеном, был создан высокий идеал наставника и руководителя, который можно считать предтечей старца — иноческого наставника в египетском монашестве. Не даром Климент называется «отцом монашества».

На основе устной традиции и живой практики Карфагенской Церкви Св. Киприан излагает Символ Веры, а из области церковного устава или благочиния указывает почитание воскресного дня Господня, крещение младенцев, растворение чаши Господней не водою только, но и вином, возглас священника «Горè имеим сердца» и ответ на них народа «Имамы ко Господу», «всегдашние прошения и моления об избавлении от врагов, о ниспослании дождей, об отклонении или умалении бедствий, о мире и спасении», об обете девства, о часах молитвы и т. д.

Ориген в своем творении «О началах» дал глубокое, расчлененное и чрезвычайно содержательное свидетельство о содержании устного предания, преданного от Апостолов и пребывающего в церквах «даже доселе».

(Окончание следует).

СВ. ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИК АФНАСИЙ, ИГУМЕН БРЕСТСКИЙ (1648—1948 г.)

(Блаженной памяти протопресвитера Г. Ф. Костельника)

Триста лет тому назад, после десятилетнего (1638—1648 гг.) затишья, которое польские историки называют «золотой мир», украинский и белорусский народы начали решительную борьбу с польско-литовской шляхтой. Война эта затянулась на несколько лет, имела периоды и подъема и упадка, выдвинула многих героев и прежде всего выдающегося вождя в лице чигиринского сотника, а затем славного гетмана войска Запорожского Богдана (Зиновия) Михайловича Хмельницкого. Но классовая и национально-освободительная война украинского и белорусского народов тесно была связана и с борьбой за свободу веры. Украинский летописец второй половины XVII в., «самовидец» описываемых событий, прямо говорит, что «початок и причина войны Хмельницкого есть едино от ляхов на православие гонение и козаком отягощение»...¹ Перечисляя в своей жалобе королю Владиславу IV притеснения, чинимые польскою шляхтою украинскому населению, и вызвавшие восстание, Хмельницкий отмечает и преследование православного духовенства и требует возвращения православных, захваченных в унию церквей: в Люблине, Красноставе, Саноке, Владимире и во всей Литве...² На поле битвы под Пилявцами 12/22 сентября 1648 г. Хмельницкий призвал своих казаков к битве с польскою шляхтою словами: «За віру, молодці, за віру!»³

На всем протяжении освободительной войны украинского и белорусского народов церковно-религиозный вопрос ставился всегда и везде: и в переговорах казачества с польско-литовским правительством и в «листах» гетмана Хмельницкого к русскому царю Алексею.

Отправляя в 1649 г. (в феврале) к королю Яну Казимиру «пункты», при условии принятия которых казаки могли бы еще оставаться в «верном подданстве» королю, Хмельницкий на первом месте ставит требование полного уничтожения в Польско-литовском государстве церковной унии. «Во-первых, мы просим, чтобы не было неволи, которую горше неволи турецкой терпит от унии народ русский,... т. е., чтобы и теперь, как было издревле, Русь была одной древней греческой религии, чтобы не было самого имени «уния», а только была вера греческая и римская. Должно существовать только два вероисповедания: римское и греческое, как было с древних времен, чтобы не губить людей наших унией, без которой водворится спокойствие и дела пойдут благополучно»...⁴

¹ Летопись Самовидца о войнах Богдана Хмельницкого, изд. Бодянского, М. 1864, 1 стр.

² Костомаров Н. Богдан Хмельницкий, т. II, СПб, 1870, стр. 5.

³ Костомаров Н., Богдан Хмельницкий, т. II, СПб, 1870, стр. 139—140.

⁴ Памятники, изданные Временною Комиссией для разбора древних актов. Киев. 1848, т. I, ч. III, стр. 373—374.

Можно видеть, что казаки готовы были оставить на Украине даже католичество, но только не унию. Впрочем в этих же «пунктах» есть оговорка: «только, чтобы нигде не было на Украине отцов-иезуитов, от которых произошло не мало замешательств»¹.

Уния для украинского и белорусского народов — была врагом замаскированным, которого не сразу и не все могли распознать. Она незаметно приводила к чистому латинству и являлась своего рода диверсией в тылу. Поэтому, естественно, она и вызывала против себя особенное озлобление в православном народе.

Через несколько времени (8 августа 1649 г.) вступая в переговоры с королем под Зборовом, Хмельницкий вторым условием мирного договора казаков с польско-литовским правительством ставит ликвидацию в Белоруссии и на Украине церковной унии. «Уния, говорит он, как постоянная причина притеснений русского народа, должна быть уничтожена как в Короне, так и в княжестве Литовском». Требование это вошло в текст Зборовского договора...².

Известный английский деятель и современник Хмельницкого Оливер Кромвель подчеркивает религиозный характер восстания украинского народа под руководством Хмельницкого, когда называет его (Хмельницкого): *Dei gratia generalissimus Ecclesiae graecorum et exterminator Sacerdotum Romanorum*³.

С самого начала освободительной войны украинского и белорусского народов за свою самобытность, видную роль играло в ней православное духовенство. Мученически погиб 5 сентября 1648 г. отважный борец за православную веру игумен Брестского Симеоновского монастыря св. Афанасий (Филиппович). Героически пал под Берестечко в 1651 г. Коринфский Митрополит Иоасаф, с освещенным мечом в руках ободривший расстерявшихся казаков и крестьян при переправе их через болото. Озверелый шляхтич заколол мужественного Святителя. Подвиг Митрополита Иоасафа был настолько выдающимся, что король Ян-Казимир приказал похоронить убитого с почетом в ближайшей православной церкви⁴. Нельзя не отметить имена Львовского владыки Арсения (Желиборского) и Луцкого епископа Афанасия (Пузыны), которые были заподозрены польским шляхетским правительством в сношениях с казаками. Относительно того и другого имелись сведения, что будто бы они посылали казакам порох, пули и свинец, а епископ Афанасий (Пузына) даже снабжал пушками («гаковницами»), правую руку Хмельницкого, известного Максима Кривоноса⁵.

Вряд ли дело обстояло таким образом, но что оба эти архиерея были на стороне восставшего украинского народа, в этом сомневаться не приходится.

Если большой интерес и сочувствие проявляли к событиям на Украине и Белоруссии восточные иерархи, то с тревогой смотрел на них Ватикан. Ликвидация унии на Украине и Белоруссии нанесла бы сильный урон католичеству. Поэтому как только началась освободительная война на Украине и Белоруссии, тотчас же в Польше появился агент Ватикана: папский нунций адрианопольский архиепископ Иоанн де-Торрес (1648—1652). Восставшие белоруссы и украинцы характеризуются у Торреса, как «*gebelles*» (бунтовщики), еретики-схизматики, а само выступление их как бунт (*rebellio*). По настоянию папы (Иннокентия X)

¹ Памятники, изданные Временною Комиссией для разбора древних актов. Киев. 1848. т. I, к. 3, стр. 373—374.

² Акты Южной и Западной России, т. III, № 304, стр. 415—416.

³ «Киевская Старина», 1882 г., январь, стр. 212

⁴ Костомаров, цит. сочинения, т. II, стр. 358.

⁵ Памятники Киев. Ком. I, 3, стр. 62; Петрушевич, Сводная галицко-русская лет., стр. 105—106.

нунций Торрес добился аннулирования сеймом Зборовского договора в его первоначальной редакции, невыгодной для униатов¹.

В настоящем очерке мы изложим историю подвига выдающегося борца за православную веру в середине XVII столетия, в самом начале освободительной войны украинского и белорусского народа, игумена Брестского Симеоновского монастыря св. Афанасия (Филипповича)². Это был человек идеи. Для него православная вера составляла не комплекс богословских доктрин, которое можно и должно было обосновать и защищать теоретически, а жизненную стихию, вне которой св. Афанасий не мыслил своего существования. Человек, безусловно незаурядный, достаточно образованный по своему времени, св. Афанасий никак не мог примириться с непрекращающимися в Польско-литовском государстве притеснениями православных. Он был искренно возмущен тем, что бесцеремонно попираются даже те ограниченные права Православной Церкви, которые были предоставлены ей самим же польским правительством. Еще недавно (1 ноября 1632 г.) новоизбранный король Владислав IV опубликовал свои «Пункты успокоения» православного русского населения Польско-литовского государства, предоставляющие ряд уступок православным, но уже к концу 30-х годов они оставались только на бумаге.

Мы не имеем сведений ни о родителях св. Афанасия, ни о социальной среде, из которой он происходил. Можно только догадываться, что он вышел из мелкого белорусского шляхетства. Не располагаем мы и датой его рождения. Не известно нам и его мирское имя. По всей видимости, св. Афанасий обучался в Виленской братской школе, выпустившей не мало образованных деятелей в винограднике Христовом. Он хорошо знал польский, латинский, греческий и славянский языки, был начитан в церковно-богословской литературе, был знаком с летописями и хронографами. По окончании школы св. Афанасий занимался обучением молодежи в семьях богатых белорусских панов. Так, например, в течение некоторого промежутка времени (по всей видимости, в начале 20-х годов) Афанасий проживал при дворе Литовского канцлера Льва Ивановича Сапеги в качестве преподавателя подготавливавшегося для русского государства нового самозванца Ивана Дмитровича (Лубы).

В 1627 г. Филиппович принял монашеский постриг в Виленском Св.-Духовском монастыре, но вскоре же был направлен в Кутеинский монастырь (под Оршей), где была организована типография. В Кутеинском монастыре св. Афанасий пробыл недолго и перешел в Межигорский монастырь. В 1632 г. он был рукоположен в сан священника и был назначен наместником в Добойский (близ Пинска) монастырь, но в 1636 г. этот монастырь был по распоряжению литовского канцлера и Виленского воеводы Николая Радзивилла (Черного) отнят у православных и передан сначала униатам, а потом иезуитам³. Покидая монастырь св. Афанасий обратился с трогательным письмом («листом»), к православному населению г. Пинска, а сам ушел в соседний Купятиц-

¹ Theiner Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae t. III. № 435., p. 460; Harasiewicz. Annales Ecclesiae Ruthen., p. 339.

² В русской Исторической Библиотеке, т. IV помещен «Diariusz» игумен Афанасий Филиппович. Это запись событий (дневник) самого Афанасия. Обрывается он на рассказе о возвращении Афанасия в Берестейский монастырь по распоряжению епископа Афанасия Пузыны. К «Diariusz» приложена повесть о кончине св. Афанасия, составленная одним из почитателей его. Этот источник лег в основу двух работ о св. Афанасии: 1) Левицкого О. И., «Афанасий Филиппович, игумен Брест-Литовский и его деятельность в защиту Православия против унии» (Киевск. Университет. Известия 1878 г., № 5, стр. 433—462) и Н. И. Костомарова: «Афанасий Филиппович, борец за православную веру в Западной Руси» («Историч. монографии и исследования», т. XIV, СПб, 1881, стр. 1—42).

³ Митрополит Манарий, История Русской Церкви, т. XI, стр. 552.

кий монастырь. Монастырь этот славился среди православных чудотворной иконой Божией Матери, изображенной в кресте. Церковное и монастырское здания были в запущенном, полуразрушенном состоянии. Новый Киевский Митрополит, умный, энергичный и образованный Петр Могила (1633—1646) усиленно приводил в порядок церкви и монастыри, еще уцелевшие от униатского захвата. К этому он привлекал православных епископов и настоятелей монастырей. Пользуясь своим знакомством в высших правительственных сферах, Петр Могила не терял надежды добиться улучшения положения Православной Церкви путем сеймовой борьбы, поднятия на должную высоту школьного просвещения и возвращения захваченных униатами церковных и монастырских фондов. В 1637 г. Петр Могила предоставил Купятицкому монастырю фонду и разрешил сбор пожертвований на обновление церковного здания. Игумен (Иларион Денисевич) возложил сбор пожертвований на своего наместника св. Афанасия. Св. Афанасий побывал в Копыле, Шклове, Могилеве, Головчине и в некоторых других городах и селениях Белоруссии, но сборы оказались весьма ничтожными. Шляхта в значительной своей части ушла либо в унию, либо в католичество, городское население («мещанство») и крестьяне большими средствами не обладали. Кроме того, незадолго перед этим производил сбор на свои нужды местный епископ (Сильвестр Коссов).

В это время у св. Афанасия созрела мысль побывать в столице единоверного и единокровного русского государства в Москве, где и раньше православные белорусы и украинцы получали материальную помощь. В своей докладной записке царю Михаилу Федоровичу о положении Православной Церкви в Польско-литовском государстве свою поездку в Москву св. Афанасий объясняет повелением свыше. Когда он стоял на молитве пред иконой Купятицкой Божией Матери, от иконы последовал голос: «Афанасий! Царь московский построит мне церковь, иди к нему, к царю Михаилу и рцы ему: «Звятияжай неприятели наши, бо юж час пришел!» Но Афанасию не сразу удалось перейти русскую границу. В это время на территории Украины происходили казацко-крестьянские восстания. Много народа перебежало из Украины на русскую территорию. Порубежная линия охранялась с той и другой стороны. Когда св. Афанасий хотел было перейти за русский рубеж в районе Трубчевска, местный русский воевода (Петр Трубецкий) задержал его. Пришлось несколько изменить маршрут, и в районе Новгорода Северского св. Афанасий уже благополучно перешел русскую границу.

В Москве св. Афанасия встретили весьма радушно. Ему отвели соответствующее его сану помещение на Ордынке (в Замоскворечье) и обеспечили продовольствием. Св. Афанасий тотчас же, не отдохнув от трудного пути, принимается за составление подробного доклада царю Михаилу о положении Церкви в Речи Посполитой, который он закончил просьбою заступиться за угнетаемых православных. Обращение это встречено было русским правительством весьма благосклонно. Св. Афанасий отправился домой (16 июня 1638 г.) щедро одаренный царскою милостыней. Через два года (в 1640 г.) св. Афанасий был избран игуменом Берестейского Симеоновского монастыря. Согласно выданному королем Владиславом при его вступлении на престол «пунктам» православное население г. Бреста получило обратно отнятые униатами церковь Рождества Богородицы и Симеоновский монастырь¹. Среди местного униатского населения, насильственно обращенного в унию, началось движение в сторону возвращения в православие. Униаты жаловались, что берестейские братчики, «старшие» берестейских ремесленных цехов

¹ Акты Вилен. Археогр. Ком., т. V, предисл., стр. XXX—XXXI

«вышли из послушания» униатскому Владимиро-Брестскому епископу, стали прихожанами церкви св. Симеона и отделились в послушание православному Луцкому епископу (Афанасию Пузыне).

Митрополит Киевский Петр Могила в 1635 и 1640 гг. приглашал православных братчиков искать защиты своих прав на сеймах. На сейме 1635 г. права православных внесены были в сеймовую конституцию, но они были значительно изменены и ограничены в пользу униатов. Много церквей, отнятых у православных, оставлены были за униатами; православные, попрежнему, в некоторых городах (Витебске, Полоцке и Новогрудке) лишены были права вообще иметь свои церкви. Отмеченные явления происходили в Бресте. Королевская грамота 1635 г. оставила за православными только право свободного совершения богослужения, но православные братчики обязывались давать воск на униатский собор, выступать в католических и униатских церковных процессиях, а в цеховом старшинстве половина должна состоять из католиков, а вторая из униатов и православных. Собрания православных братчиков были запрещены вообще¹.

По приезде в Брест св. Афанасий сразу же приступил к действиям. Он розыскал старые королевские пожалования Берестейскому православному Николаевскому Братству и внес их в местные городские книги, а в следующем году он отправился в Варшаву и добился от короля Владислава привиллея, подтверждающего все прежние права братству. Больше того, он получил от короля право учредить в Бресте школу «языка русского и польского». Коронный канцлер и подканцлер отказались приложить печати к королевскому привиллею, а без печатей он был недействительным. Попытки св. Афанасия воздействовать на канцлера и подканцлера путем «подарков» остались безрезультатными. «Будьте униатами, говорили Афанасию, мы тогда и даром приложим печати, а вы знаете, что святой отец, папа Римский нам запрещает это (т. е. покровительство православным) под угрозой проклятия, чтобы вера греческая в нашем крае больше не множилась».

В это время в Варшаве находились и другие православные лица, приехавшие по своим личным делам на время сейма. Св. Афанасий пытался было обратиться к ним за советом: как ему поступить. Но его постигло разочарование. Православные епископы и архимандриты, которых св. Афанасий встретил в Варшаве, были заинтересованы только своими делами и «угоняли» только свою «привату». Дела церковные их занимали уже во вторую очередь. Здесь же, в Варшаве, св. Афанасий встретил православных депутатов от православных мещан из разных белорусских и украинских городов: Люблина, Сокола, Орши, Пинска, Бельска, Кобрина, Бреста и др. Они рассказали св. Афанасию о тяжелом положении православного белорусского и украинского населения у себя дома. Эти делегаты не могли найти защиты своих прав и на сейме, так как количество православных дворян на сейме значительно сократилось.

Болезненно переживал св. Афанасий все эти сообщения. Перед отъездом из Варшавы, во время чтения акафиста Божией Матери в своей комнате в доме местного жителя Стефана Пискаря св. Афанасий явственно услышал голос: «Афанасий! подавай суплику (прошение) на сейм через образ мой Купятицкий, в кресте начертанный, и грози королю и всей Речи Посполитой праведным судом Божиим, если они не опомнятся и не уничтожат проклятой унии».

Св. Афанасий стал готовиться к будущему сейму. В 1643 г. в Варшаве открылся очередной сейм. Св. Афанасий снова оказался в Варшаве. Сам он направился в сенаторскую избу, а в посольскую послал

¹ Там же, стр. XXXII—XXXVI.

своего диакона — Леонтия. Пред лицом короля и сенаторов, св. Афанасий принес жалобу на испытываемые православными гонения, на «незносную кривду» православному населению, чинимое во имя «унии проклятой». Резко обрушился св. Афанасий и на католическое духовенство, особенно на иезуитов, которые в своих школах обманывают учащуюся молодежь науками «облудными» и «титулами высокими». Закончив свою речь св. Афанасий требованием уничтожения унии, обещая за это «щастливые лета», а за упорство угрожает: «дознаете запевно гневу Бозского».

Речь св. Афанасия произвела сильное впечатление. Но польские паны постарались представить его как человека, психически больного. На другой (или на третий?) день св. Афанасия и его диакона Леонтия задержали и посадили под домашний арест в доме одного служащего при королевском дворе некоего Яна Железовского на срок до окончания сейма. Сам св. Афанасий считает, что инициатива этого ареста исходила от православных церковных властей, бывших в это время в Варшаве и разгневаннх на берестейского игумена за выступление на сейме без их согласия.

Прошло несколько недель. Тщетно св. Афанасий добивался, чтобы его выслушали свои же православные иерархи и архимандриты. На все его обращения не было, как говорится, «ни гласа, ни послушания». Тогда св. Афанасий решил использовать тот способ борьбы за попранную правду, к которому прибегали некогда подвижники особого рода, именовавшиеся в народе блаженными, или «Христа ради юродивыми». Босые и нагие, «которых весь мир не был достоин», скитались они по улицам шумного города, бичуя пороки и преступления сильных и властных людей... «Блаженных» не смела коснуться рука даже всемогущих деспотов. Улучив момент, когда стража ослабила над ним свой надзор, св. Афанасий выбежал на улицу совершенно нагим, только с монашеским клобуком на голове и в параманте. Забрызганный грязью, св. Афанасий бегал по улицам и кричал: «vae maledictis et infidelibus!»¹. Это происходило 25 марта, в праздник Благовещения; улицы были полны народа, шедшего в костелы к богослужению. Челядь могилевского православного владыки (Сильвестра Коссова) после продолжительных усилий поймала, наконец, обессиленного игумена, связала его и водворила на место его заключения. Находившиеся в Варшаве епископы Сильвестр Коссов и Афанасий Пузына и игумен луцкого и виленского монастырей произвели суд над св. Афанасием и отправили его из Варшавы в Киев. Более трех месяцев пробыл св. Афанасий в заточении в Киеве. Но по заступничеству Митрополита Петра Могилы, лично хорошо знавшего св. Афанасия и видевшего в нем действительного борца за православную веру, он был освобожден, восстановлен в своем сане и звании и получил возможность вернуться в Брест в своей Симеоновский монастырь.

Видимо подавленный неудачей своих прежних выступлений и не встречая поддержки со стороны православных иерархов св. Афанасий решил было впредь «осторожней поступовати», но католики и униаты вскоре же снова вывели его из терпения. Поскольку за св. Афанасием уже сложилась репутация активного врага католичества и унии, ему все время приходилось переносить оскорбления, брань и даже побои со стороны иезуитских школьников и униатских попов. На Симеоновский монастырь нафанатизированная толпа с иезуитскими школярами во главе совершала настоящие набеги. Буйная толпа во время богослужения врывалась в храм, разгоняла молящихся и производила кощунственные действия. По адресу проходящего по улице православного раздавались

¹ „Горе проклятым и неверным“.

свист и дикие крики: «га, га! русин! волк, схизматик, турко-гречин, отщепенец, наливайковец!». Требовалась действительная сила воли и подлинно христианское терпение, чтобы без ропота сносить все эти оскорбления. Но скоро они превзошли всякую меру.

Св. Афанасий решил снова обратиться с жалобой к сейму. Но предварительно он хотел испробовать более простой способ найти управу на берестейских католиков и униатов. В 1644 г. св. Афанасий поехал в Краков к пану Сапеге, новогрудскому воеводе, считавшемуся патроном Берестейского Симеоновского монастыря. Он обстоятельно изложил Сапеге положение церковных дел в Бресте и просил его унять происходившие там бесчинства. Сапеге, выслушав доклад св. Афанасия ограничился только советом св. Афанасию принять унию, что, по его словам, будет единственным средством жить спокойно и не подвергаться ни преследованиям, ни оскорблениям.

Будучи в Кракове, св. Афанасий встретился с московским послом князем Львовым. Эта встреча оказалась весьма кстати для московского посла. В это время русское правительство царя Михаила занималось делом самозванца Яна Фавстима Лубы, с которым связано было и имя св. Афанасия. Суть этого темного дела заключалась в следующем: когда в 1614 г. была поймана правительственным войском жена первого, а затем и второго Лжедмитриев Марина Мнишек со своим четырехлетним сыном и опекавшим ее шляхтичем Иваном Заруцким, то польский шляхтич Белинский пытался было выкрасть «царевича», заменив его мальчиком-однолетком, сыном проживавшего и умершего в Москве польского шляхтича Дмитрия Лубы. Белинскому не удалось совершить подмен. Заруцкий и «царевич» Иван были казнены, а Марина умерла в заточении в г. Коломне. Белинский доставил в Польшу сына шляхтича Лубы, выдав его за якобы спасенного им «царевича» Ивана. В Польше все же заинтересовались судьбой «царевича». Сейм ассигновал на его содержание 6 тысяч злотых (ежегодно), а канцлер Лев Сапеге принял непосредственное участие в воспитании «царевича», подготавливая в нем орудие для борьбы с московским правительством. Обучение «царевича» Лев Сапеге поручил Афанасию Филипповичу, тогда еще светскому человеку. После заключения мира (полянского) с Россией (в 1634 г.) роль самозванца оказывалась уже не нужной и юного Лубу только по традиции и шутя, называли царевичем. В Москве узнали о царевиче с большим запозданием. Польское правительство подозревало в этой информации св. Афанасия, когда он был в Москве (в 1638 г.).

Русское правительство придавало большое значение делу о самозванце Иване Фавстине Лубе и посол Львов получил специальное задание разузнать о «царевиче» подробнее. Можно представить себе, как кстати для Львова оказался приход к нему св. Афанасия. Если последний рассчитывал получить через посла от московского правительства какую-либо материальную помощь для своего монастыря, то Львову нужно было выведать от св. Афанасия интересующие московское правительство сведения относительно «царевича». Св. Афанасий сообщил все, что знал, и о чем расспрашивал его Львов. Последний добивался получить от св. Афанасия какой-либо автограф «царевича». У св. Афанасия оказалась какая-то записка, адресованная к нему от его ученика с такой надписью: «Ян Фавстин Дмитрович, писано в царевичевой господе на обеде». Эту записку взял себе Львов и потом она фигурировала в деле о самозванце Лубе. Все старания польских панов доказать, что эта подпись Яна Фавстина ничего не говорит о притязаниях молодого Лубы на Московский престол, оказывались тщетными. Св. Афанасий попал в неприятную историю. Делу самозванца Лубы св. Афанасий не придавал никакого значения. Он добивался только одного получить

канцлерскую печать к королевскому привиллею, и для этой цели он поехал в Варшаву. Для получения печати от св. Афанасия потребовали 6 тысяч злотых. Таких денег у него под руками не оказалось. Пришлось вернуться в Брест. Однажды во время молитвы пред иконою Купятицкой Божией Матери св. Афанасий услышал знакомый голос, повелевающий ему снова отправляться в Варшаву и добиваться от короля и сейма уничтожения унии, грозя в противном случае страшными бедствиями для Польши. Св. Афанасий стал готовиться к этой поездке. Он составил сочинение против унии с изображением иконы Купятицкой Божией Матери и с описанием своей поездки в Москву. В заключение было приложено обращение от имени Православной Церкви ко всем «станам» «Речи Посполитой» о прекращении гонений на православных.

Но обстоятельства приняли другой оборот. Св. Афанасий был арестован польскими властями по делу самозванца Лубы и посажен в тюрьму. Причины этого заключались в том, что будто бы св. Афанасий раскрыл глаза русскому правительству на самозванца Лубу, предоставив Львову автограф-записку «царевича».

Сидя в тюрьме, св. Афанасий интересовался исключительно тем, как бы подать на сейм «суплику» (прошение) о прекращении гонения на православных. Один экземпляр этой суплики св. Афанасию удалось вручить 15 марта 1645 г. маршалку Осинскому, а другой был брошен в карету короля Владислава, когда тот ехал в свой королевский замок. Однако, положение дел оставалось без изменения. Св. Афанасий продолжал сидеть в заточении, рассылая оттуда свои записки и «суплики» к королю и панам, хотя русское правительство и удовлетворилось объяснением по делу Лубы, а король Владислав распорядился выпустить св. Афанасия из тюрьмы.

Однако св. Афанасия не выпустили на свободу, а под конвоем двух драгунов отправили в Киев, где он и должен был оставаться до конца своих дней. В Киеве св. Афанасий был помещен Митрополитом Петром Могилой в Печерском монастыре. Архимандриту дано было задание следить, чтобы св. Афанасий «жадных галасов» не чинил. Но в Печерском монастыре св. Афанасий пробыл недолго. 1 января 1647 г. скончался Митрополит Петр Могила. Прибывший на погребение его Луцкий епископ Афанасий Пузына, уезжая из Киева, взял с собою и св. Афанасия, как принадлежавшего его епархии. Через несколько времени, уступая просьбе берестейских братчиков, епископ Афанасий отправил св. Афанасия в Брест, в Симеоновский монастырь в прежнем звании — игумена.

Недолго правил св. Афанасий своим монастырем. Наступил 1648 год. На территории Украины и Белоруссии вспыхнула освободительная война. Под Жолтыми Водами и Корсунем погиб цвет шляхетского войска. По Украине и Белоруссии разошлись листы гетмана Богдана Хмельницкого с призывом к православному населению выступить в защиту своих прав. В ответ на это поднялись крестьянские загоны, истреблявшие шляхту. Восстание, как мы уже отмечали, приняло и религиозный оттенок — как борьбы и с унией, орудием колонизации. Православное духовенство не могло оставаться в стороне. Среди польской шляхты пошли слухи о том, что будто бы Львовский епископ Желибровский и Луцкий епископ Афанасий Пузына не только рассылали казакам призывающие к восстанию воззвания («листы»), но и снабжали восставших порохом. Вся Речь Посполитая была переведена на военное положение. В стране стали действовать каптуровые суды, обладавшие большими полномочиями; постановления их немедленно приводились в исполнение.

1 июня (1648 г.) св. Афанасий служил Литургию. Во время «Херувимской» он заметил в храме несколько вооруженных шляхтичей. Св. Афанасий понял, что пришли за ним. Действительно, после окончания Литур-

гии св. Афанасий был схвачен и доставлен в замок, где заседал каптуровый суд берестейского воеводства. Шляхтич Шумский, капитан королевской гвардии, выступил в качестве обвинителя. Св. Афанасию ставилось в вину то, что он, якобы, установил сношения с казаками Хмельницкого. Св. Афанасий потребовал доказательств. В Симеоновский монастырь был отправлен тот же шляхтич Шумский с заданием произвести в монастыре тщательный обыск. Последний не дал абсолютно никаких результатов. Шумский был раздосадован и бранил своих гайдуков за то, что они не догадались подбросить в монастырь, хотя бы небольшую дозу пороха.

Несмотря на это, св. Афанасия не оставили в покое. Ему было предъявлено новое обвинение: он порицал и проклинал унию. Св. Афанасий не отказывался от того, что унию он действительно проклинал и прокликает и громко на всю залу произнес: «Я еще на сейме пред королем Владиславом и перед всем сенатом говорил, а теперь вам то же повторяю: проклята ваша уния, и знайте, что если вы не выведете ее из государства, и не успокоите православной веры, то испытаете на себе гнев Божий!»

Зал суда был наполнен католиками и униатами и эти слова бесстрашного игумена вызвали взрыв негодования. Раздались крики: «убить его, четвертовать, на кол посадить схизматика!» Разъяренную толпу пришлось силою выводить из зала. Вывели и св. Афанасия, и заперли в цейнгаузе.

До сентября месяца просидел св. Афанасий в тюрьме, закованный в кандалы. Но и в таком положении он не переставал громить ненавистную ему унию. Через окно цейнгауза он обращался к проходившему мимо народу со словами: «не изыдут из этого государства меч и война, пока, наконец, уния себе шею не сломит, а благочестие не зацветет. Хоть не скоро, а зацветет оно! Ей-ей, зацветет, а уния пропадет. Не успокоится война с казаками, потому что не хотят искоренить унию из государства!»

Св. Афанасия снова позвали в суд. На суде были и Луцкий католический епископ Гембицкий и князь Радзивилл. «Ты проклинал унию?» — спросил епископ. «Она и есть проклята», — произнес св. Афанасий. «За это завтра ты увидишь собственный язык в руках палача,» — сказал епископ. Св. Афанасий был снова отведен в тюрьму.

В ночь с 4 на 5 сентября в тюрьму явились иезуиты и тщетно убеждали св. Афанасия принять унию, обещая ему всякие блага и угрожая огнем за непокорство. На рассвете явились в тюрьму новые лица, расковали св. Афанасия и приказали ему следовать за собою в польский военный лагерь, расположенный близ г. Бреста. По дороге св. Афанасия нагнали ученики местной иезуитской школы и горячо убеждали его не губить себя. Св. Афанасий отправил их от себя.

В лагере («в обозе») св. Афанасия конвоировавшие его передали в распоряжение воеводы, но последний предоставил узника снова в распоряжение приведших его гайдуков. Гайдуки повели св. Афанасия к ближайшему бору на расстоянии в четверть мили от лагеря по дороге в с. Германовичи. Здесь св. Афанасия подвергли пытке: стали жечь огнем, добываясь, чтобы он отказался от резких слов по адресу унии. Мужественный страдалец стойко переносил пытку. В это время другие гайдуки стали копать ему могилу у сосны. Когда могила была готова, гайдуки поручили одному из своих товарищей застрелить св. Афанасия. Дрогнула совесть у палача. Со слезами он испросил у своей жертвы прощения и благословения. Св. Афанасий дал гайдуку то и другое и прислонился к сосне. Гайдук выстрелил. Две пули прошли навывлет голову страдальца. Но труп продолжал стоять, опершись на сосну. Тогда гайдуки сбросили его в могилу. Застреливший св. Афанасия гайдук расска-

зывает, что сваленный в могилу труп убитого игумена сам сложил себе крестообразно руки. Тело св. Афанасия было засыпано землею, чтобы православные не розыскали его.

До 1 мая 1649 г. православные почитатели св. Афанасия не знали, где было зарыто его тело. Только случайно какой-то мальчик обнаружил место погребения св. Афанасия. Вырытое тело по всем признакам оказалось телом мученика-игумена. Труп был почти обнажен. На нем была только изодранная рубашка и только на одной ноге обувь. На теле сохранились следы перенесенных пыток. Под пахами были обнажены кости с остатками почерневшего от огня мяса. На голове имелись три раны: две на левой стороне от ружейных пуль, а третья шире первых на правой стороне за ухом. Лицо почернело от пороха и застывшей крови. Язык был виден и прикушен. Очевидно, св. Афанасий был зарыт еще живым. Ночью православные перевезли тело св. мученика в монастырь. Развертывавшиеся на Украине и Белоруссии события побуждали польские власти относиться терпимее к православным, чтобы не раздражать их. Полковник берестейских поветовых хоругвей не стал препятствовать православным предать тело мученика открытому погребению. 8 мая в церкви св. Симеона Столпника у правого клироса опустили тело св. Афанасия в могилу.

Имя св. Афанасия было очень популярным среди православного белорусского населения, и могила его была предметом народного почитания. В начале XIX столетия последовало открытие мощей св. Афанасия и его канонизация¹. Память св. преподобномученика Афанасия, игумена Брестского совершается два раза в году: 20 июля (обретение его мощей) и 5 сентября (день его кончины).

Прошло пять с небольшим лет после мученической кончины св. Афанасия. 8 января 1654 г. Украина вошла в состав русского государства. Большая роль в этом деле принадлежала главе Русской Православной Церкви — Патриарху Никону², которого гетман Хмельницкий, уже на смертном одре, называл «милостивым заступником и ходатаем к царю Алексею Михайловичу». Очевидно, не без оснований³. 14 января Киевский Митрополит Сильвестр (Коссов), встречая у Золотых ворот царских послов, выражал надежду, что при новых условиях «обновится яко орля юность» украинская земля, — «наследие великих князей русских»

Несколько позднее, игумен Полоцкого Богоявленского монастыря Игнатий Иевлевич в своих речах к царю Алексею Михайловичу сравнивал его с Константином Великим, прекратившим гонение на христиан, и проводил аналогию между приходом его на территорию Белоруссии и восходом солнца, которое собирает во едино верных сынов Востока⁴. Андрусовское перемирие 1667 г., а затем вечный мир 1686 г., отдалили окончательное и полное объединение украинско-белорусских земель с Россией еще на сто лет. Вскоре же после перехода Белоруссии и Украины после разделов Польши (1772—1795 гг.) под власть русского правительства «отторженные насильем» стали возвращаться в лоно Православной Церкви «любовью». Акт воссоединения униатов в 1839 г. был лишь логическим и историческим завершением внутреннего процесса⁵.

Уния продолжала оставаться в Галичине, которая по первому разделу Польши (в 1772 г.) перешла к Австрии. Но и здесь, как искра под

¹ Профессор Е. Голубинский затрудняется точно датировать время канонизации св. Афанасия, но, видимо, склонен отнести ее к первой четверти XIX в. («История канонизации святых в Русской Православной Церкви»)

² См. письма Хмельницкого к Никону. («Чт. Моск. Общ. Ист. и древн. Росс.», III год, книга VIII (21), 1848 г., стр. 54 и след.

³ «Акты Южной и Западной России», т. III, № 369, стр. 561.

⁴ «Витебская Старина», т. IV, ч. 2, стр. 58 и след.

⁵ М. И. Коялович, Лекции по истории Зап. России, изд. 1864 г., стр. 361—366.

пеплом, сохранилось тяготение к Матери-Церкви. В наши годы была попытка, правда, неудачная, снова навязать унию белорусско-украинскому народу, оказавшемуся в 1918 г. под властью шляхетской Польши. С воссоединением белорусского и украинского народов в составе Советских Социалистических республик, ликвидировалась уния и в Галичине. Иезуитско-шляхетское орудие духовного и политического разобщения братских русского, белорусского и украинского народов, естественно было обречено на гибель. Вечная память борцам за святую православную веру и Церковь, своею смертью завершивших свой добрый подвиг.

В. Никонов

О ПАСТЫРЕВОДИТЕЛЬНОМ ХАРАКТЕРЕ ТВОРЕНИЙ СЯТИТЕЛЯ ДИМИТРИЯ, МИТРОПОЛИТА РОСТОВСКОГО

Иже во святых отец наш Святитель Ростовский Димитрий, преимущественно известен как бессмертный творец наших «Четьих-Миней», еще так недавно бывших любимым чтением нашего русского православного народа. В настоящее время Четьи-Миней являются великим сокровищем для тех, которые еще не порвали связи с Церковью и в образах угодников Божиих, начертанных святою рукою Димитрия Ростовского, ищут себе путеводных звезд для получения вечного спасения.

Менее известен, хотя и имеет «достойно» и «справедно» звание «раскола искоренителя», Святитель Димитрий, как сильный борец против невежественного направления церковной жизни, представителями которого являются «старообрядцы». Против старообрядцев Святитель написал: «Розыск о Брынской вере», «Поучение о четвероконечном кресте», «Рассуждение об образе Божиим и подобии в человеке» и др.

Первый и второй труд Святителя были книгами не только для доброго чтения, но и для борьбы с врагами Христовой Церкви. Болел Святитель этими нуждами и свои великие пастырские способности принес в жертву чистой для народа русского. Но этот маленький очерк об особой работе Святителя Димитрия для Христовой Церкви мы посвящаем уяснению того великого дела Святителя, в котором он является навсегда учителем пастырей.

Жизнь Святителя, как самоотверженного, трудолюбивого подвижника христианства, является образцом для пастырей и архипастырей. Инок по призванию, горевший любовью к церковному уставу, церковному быту, Святитель Димитрий от юности до своей блаженной кончины был великим постником, вкушая пищу только для того, чтобы поддерживать свои телесные силы. Таким строгим иноком был Святитель и в исполнении иноческих обетов о нестяжательности, целомудрии, непрестанной молитве, постоянном чтении слова Божия и о постоянном труде. Свой небольшой досуг Святитель посвящал письменным работам во благо Церкви Христовой. Писать что-либо для Церкви было его насущною потребностью. Слова Господа об исполнении добрых дел в прославление Отца Небесного (Мф. V, 16) являлись для Святителя знамением всей его святой жизни. Будучи воистину светильником Христовой веры и жизни для всех своих современников, Святитель Димитрий и нам всем, пастырям, своею жизнью заповедует подражать ему, как он сам подражал Апостолам и самому Христу (1 Коринф. IV, 16). Чуждый всякого тщеславия и самопревозношения, Святитель Христов горел желанием переливать богатство своего внутреннего содержания в души своих сопастырей и пасомых, поэтому он и является великим проповедником не только для своего времени. И в настоящее время его проповеди, особенно те, в которых Святитель отказался от схоластических приемов ораторствования, производят неотразимое впечатление своею жизненностью,

ясным изъяснением Божиих заповедей, убедительностью и ярко выраженной заботливостью о том, чтобы его слушатели стали на путь, ведущий к вечному спасению. О заповедях любви к Богу и ближним Святитель в последние годы своей жизни говорил так проникновенно, что его проповеди вызвали слезы и возбуждали доброе стремление в слушателях исполнить то, что говорил великий наставник.

Житие Святителя повествует нам, что он не оставлял ни одной Литургии без своего поучения, вспоминая слова св. Апостола Павла: «Горе мне есть, аще не благовествую» (I Коринф. IX, 16). Восстанавливая образ этого неустанного проповедника слова Божия, хочется сказать словами Апостола Павла: «Поминайте наставники ваши, иже глаголаша вам слово Божие: ихже взирающе на скончание жительства, подражайте вере их» (Евр. XIII, 7).

Из жития Святителя Дмитрия известно, что ему в Ростовской кафедре много огорчений причиняли невежественные и нерадивые священники. Поэтому он немедленно открыл в Ростове пастырскую школу и много сил и здоровья употребил на то, чтобы из нее выходили для Церкви Христовой просвещенные пастыри, способные назидать свою паству и жизнью и поучениями. Приготавливая из своей школы добрых пастырей Святитель заботился о воспитании в них духа истинного пастырства. И лично, и своими поучениями, и словами Святитель Христов старался возбудить в них усердие к проповеданию слова Божия, заставлял их изучать слово Божие и непрестанно трудиться над своим самообразованием. Прежде всего, — учит Святитель своих священников, — пастырь подобает быть разумным и учительным. Ибо как он может вразумлять неразумного, если сам будет неразумен? Как он может быть учительным, если сам не учен и не знает силы Святого Писания? Разве слепец может вести правильным путем слепца: не упадут ли они оба, по слову Христа, в яму? (Мф. XV, 14), — так вопрошает Святитель в своем «Слове о пастырстве». И сам же Святитель отвечает: «посему пастырю прежде всего необходимо быть разумным и учительным». «Прежде всего, — учит Святитель в том же слове, — пастырь должен приобрести духовную премудрость, смысл, учительский разум, которые Бог желает видеть в устах иерейских, ибо Он говорит в пророческих Писаниях: «устне иереовы сохраняют разум, и закона взыщут от уст его» (Малах. II, 7). Нестыжавший духа премудрости, неучительный служитель Божий и пастырь душ человеческих нем, а вместе и мертв». «Горе молчащему пастырю, горе языку его, не проповедующему слова Божия и не учащему». (То же слово). «Во все воскресные и праздничные дни иерей пусть поучает в церкви народ из святых книг, присоединяя по возможности и от своего разума полезные советы». (Поучение иереям). И много подобных мыслей рассеяно в творениях Святителя Дмитрия, горячо желавшего в своих пастырях видеть добрых и разумных сотрудников. Он пишет: «О спасении душ человеческих иерей должен заботиться всякими видами и днем и ночью так же, как и о своей душе, чтобы по небрежности его не погибли словесные овцы Христовы, за которых придется ему дать ответ Христу Богу в день судный».

Святитель, настойчиво внушая своим пастырям полную необходимость для них неустанно проповедывать слово Божие, вместе с тем учит тому, чтобы жизнь их соответствовала тому великому званию, которое они получили по милости Божией, и тому небесному учению, которое они вещают в своих поучениях народу. «Великое учение, подкрепляемое исполнением на себе самым делом слов учительных, есть чистое золото. Люди приемлют пользу не столько от изреченных слов, сколько от добрых дел учителя своего и от добродетельной его жизни. Глас дел громче и действеннее, нежели глас слова. Учителю прежде всего потребно самому быть прилежным исполнителем закона Божия, исполни-

телем добрых дел, и затем уже учить других». Такие слова находим мы у Святителя в слове, посвященном памяти архимандрита Иннокентия Гизеля. А в «Слове к пастырям» мы читаем: «Учить словесных овец подобает не только словом, но и образом доброй жизни в Боге». «Говорящий, а не делающий, подобен грому, бывающему в облаках без дождя во время засухи». По поводу изречения св. пророка Малахии: «Да текут учений рек и от уст иереовых, яко той есть ангел Божий», — Святитель говорит: «Учительство и ангельство поставляются вместе: пастырь должен иметь в устах и слово учительное и хранить житие ангельское, святое, непорочное». Завещает Святитель пастырям быть в трудах постоянных: «Горе тому пастырю, который ищет только чести пастырской, а подобающего ему труда не подъямлет». «Горе пастырю, который ищет только своей выгоды, а об овцах не радит...» «Много труда и попечения и бодрости требуется пасущему человеческие души» и т. п.

Все эти речения Святителя Димитрия в той или иной мере, должны быть известны проходящему пастырское звание и вступающему на это великое дело. Но в «Слове к пастырям» мы находим еще и то, о чем нам в Семинариях и Академиях не говорили, а если и говорили, то только вскользь, а не как о самом существенном. «Пастырю, — говорит Святитель, — недостаточно многоочито наблюдать за своим стадом: он должен бодрственно смотреть и внутрь самого себя, в глубину своей совести: не зазрит ли его в чем-нибудь совесть». Эта мысль Святителя о пастырском делании имеет весьма глубокое значение. Святитель призывает пастырей Церкви к постоянному наблюдению над самим собою. Недостаточно пастырю видеть и обличать своих духовных детей, — он должен быть сам «духовно опытным», т. е. опытно познать силу греха в самом себе и опытно же знать, как побороть эту силу греха, чтобы научить своих духовных детей, как избавиться от того или иного порока. И когда пастырь, следуя завету Святителя Димитрия будет смотреть внутрь себя, то и его наставления пастве примут особую благодатную силу. Он будет говорить то, что сам пережил, и сердца прихожан воспримут его поучение, как поучение любящего их духовного отца. Исправляя свою жизнь по назиданиям пастыря, они научатся бороться с грехом.

И думается нам, что Святитель Димитрий, глубоко понимавший задачи пастырского служения, свои 33 главы «Алфавита Духовного» писал именно как назидание пастырям.

«Алфавит Духовный» Святителя Димитрия, несмотря на свою краткость, безмерно богат своим содержанием. Сам аскетически настроенный, глубоко изучивший творения наших аскетов, Святитель в «малой книжице», как он называет своей Алфавит, дает психологический разбор пороков и указывает средство борьбы с ними. Сия «малая книжица», — пишет он в предисловии к Алфавиту, — была начертана наиболее к поощрению исполнения заповедей Божиих, да усердно исполняем их... Если же обретется кто, соизволит и окажет усердие, да примет сию книжицу для всегдашнего поощрения и возбуждения себя против насилования страстей. Не только для познания сие все начертано, но дабы мы принимали в себя всегда возбуждение и поощрение, ибо непрестанно леностью, нечувствием, сомнением, гордынею, сластолюбием и прочими различными страстями одолеваемся».

Действительно, при частом и внимательном чтении этого бессмертного творения Святителя Димитрия, чувствуешь справедливость слов, высказанных Святителем в предисловии. «Алфавит Духовный» воистину имеет силу всегдашнего «поощрения и возбуждения себя против насилования страстей».

И тут невольно вспоминается, что мы в наших Семинариях, Академиях не имели почти никакого понятия об этой «малой книжице», и только некоторые из нас, заходя в своих деревнях к какому-либо благоче-

стивому старцу-грамотею, читавшему «Четьи-Минеи» на славянском языке, видели у него в переднем углу рядом с иконами большой лист с перечислением в алфавитном порядке духовных доблестей и пороков, а в разговоре со старцем узнавали, что кроме этого краткого Алфавита есть еще пространный «Алфавит Духовный» в 33 главах которого Святитель Димитрий учит, как бороться с пороками и со страстями, чтобы «сколько лет во плоти пробыл Господь, столькими 33 главами, прочитавши их, и оставивши младенческие мудрования, потщимся мы придти и достигнуть в «мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова» (Ефес. IV, 13).

В этом очерке мы не думаем подробно излагать содержание 33 глав «Алфавита Духовного». Каждому пастырю надо их читать, вдумываться в них и приобретать духовный опыт «в меру возраста исполнения Христова»; этим своим духовным опытом делиться со своими духовными детьми, самому идти и детей своих вести в Царствие Небесное. А какое богатство духовное заключается в этом великом творении Святителя! Кажется, только особою, от Бога данною благодатною мудростью и можно объяснить обилие духовных советов в этой «книжице». Он — наш Святитель — как-будто задался простою задачею указать всем, что для вечного спасения нужно хранить заповеди Божии. Но говоря об этом, Святитель Димитрий глубоко проникновенно выясняет, что заповеди Божии даны нам не для внешнего (иудейского) исполнения, а для очищения сердца. «От сердца бо исходят помышления злая» (Мф. XV, 19). И у Святителя в каждой главе его «Алфавита» изъясняется положительная сторона исполнения заповедей Божиих и тут же указывается, какие препятствия ставятся нашим растленным лукавым умом, чтобы глубокий спасительный смысл заповеди превратить в чисто фарисейское исполнение этой заповеди, какие препятствия ставит нам плоть наша ленивая, сластолюбивая, какие соблазны делает диавол тем, кто хочет добре трудиться в исполнении заповедей Божиих.

Кто хорошо знаком с духовными советами Антония Великого, Макария Египетского, Исаака Сирина, Ефрема Сирина и других великих аскетов нашей Православной Церкви (не говорим уже о творениях Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоустого, Афанасия Великого) и с другими бессмертными творениями золотого века нашей церковной сокровищницы, тот ясно увидит, что «Алфавит Духовный» содержит в себе краткое учение великих отцов и учителей нашей Церкви о борьбе со страстями и пороками в пути достижения «меры возраста Христова». Эта «книжица» является великим пособием для всякого христианина, и для пастыря Церкви преимущественно. О чем только не говорит в «Алфавите Духовном» наш Святитель: о разумном чтении слова Божия, о непрестанном подвиге, посте и воздержании, о борьбе с плотскими похотями, блуде в его многообразных видах, о пристрастии к земным вещам, тщеславию, обманчивости славы земной, страшном грехе гордыни, смирении, неосуждении, памятовании своих грехов и ответственности за них, о смертной памяти, постоянном покаянном чувстве, о сребролюбии, зависти, ненависти, гневе, терпении, радостях и скорбях в печалах, о полной любви ко всем людям и к врагам; о постоянном уповании на Господа, постоянном труде для Господа и для ближних, и как о верхе всех добродетелей, — о беззаветной любви к Господу». «Сие только одно необманчиво, — пишет Святитель в конце 33 главы своего «Алфавита», — возлюбить одного Бога всем сердцем своим, всею душою своею и всею крепостию своею, к Нему прилепиться и ничего не предпочитать Его любви». А после 33 главы Святитель поместил свои взывания (вопияния) к Богу, в которых просит Господа, чтобы Он Своею благодатию укрепил его сердце в любви к Нему, Сладчайшему Иисусу.

И все мудрые советы Святителя в его «Алфавите» преисполнены великой любви «к любезному читателю» и желания, чтобы пастыри и все христиане проникались тем великим учением, которое заключается в «Алфавите». Не монашеское житие здесь проповедуется, а дается напоминание о чистой жизни по Евангелию, какою должна украшаться жизнь каждого священника. Ведь эта жизнь по Евангелию дает дерзновение на получение милости Божией в загробной жизни. Худая жизнь пастыря не дает ему силы понимать слово Божие, — и проповеди такого пастыря будут только говорением, а не благодатною силою для привлечения его духовных детей в Царство Небесное. Святитель Тихон Задонский в «Сокровище духовном» пишет: «О возлюбленный пастырь, свет еси миру! Свети убо не только словами, но житием твоим. Соль еси земли, берегись обуять, да не и прочии, смотря на тебя, обуяют. Вступил ты, возлюбленне, в звание и должность Апостольскую, подражай убо учением и житием Апостолам, да и с ними участие на вечере оной будешь иметь, и многих за собой повлечешь» (т. IV, М. 1889, стр. 337). А современный нам пастырь, о. Иоанн Кронштадтский, в своем Дневнике написал: «Священник, как Ангел Господа Вседержителя, должен быть выше всех страстей и возмущений духа, всех пристрастий мирских или суетных страхов, наводимых от бесов: он должен быть весь в Боге, Его одного любить и бояться (т. V, СПб, 1889, стр. 175).

На слове Божиим, на творениях христианских аскетов основывается все пастыреводительное учение творений Святителя Димитрия Ростовского.

Думается, что и современные пастыри получили бы большую пользу, если бы прониклись духом того небесного учения, которое заключается в подвижнической жизни, во всех творениях Святителя и особенно в его «Алфавите Духовном».

Архиепископ Новосибирский и Барнаульский Варфоломей

ПРЕПОДОБНАЯ ЕВФРОСИНИЯ, КНЯЖНА СУЗДАЛЬСКАЯ

(к 700-летию со дня кончины)

«Церковное небо усеяно мириадами звезд, как и ночное небо. Эти звезды — сияние вечной славы святых угодников, входящих в Небесную Церковь; они сияют вечной красотой и говорят о том, что и каждый из нас призван Небесным Отцом к той же вечной славе в Небесной Церкви».

(Митрополит Крутицкий и Коломенский Николай).

I

В древнем памятнике русской церковной письменности, в «Слове воспоминательном о святых чудотворцах, в России воссиявших», о преподобной Евфросинии Суздальской говорится так: «Ты бо в женах российских толико превознесена, о пресветлая суздальская звезда, яко же всем инокиням рода русского начальница и учительница преславная бысть и наречена».

Преподобная Евфросиния Суздальская, действительно, является одной из первых русских женщин, просиявших в подвигах иноческой жизни и давших высокий образец христианских добродетелей. Она родилась около 1165 года в семье суздальского князя Михаила Юрьевича, девятого сына Юрия Долгорукого и была свидетельницей бурных исторических событий русской истории конца XII и начала XIII века. Юрий Долгорукий своих старших детей, от первого брака с дочерью половецкого хана Аэпы, предполагал устроить на юге, в принадлежавших ему городах (Вышгороде, Городце Остерском, Каневе, Турове, Пересопице и других), а детей от второго брака, с византийской принцессой, в том числе и Михаила Юрьевича, предназначил для суздальского Севера. Но ход событий опрокинул этих расчеты: самый старший сын Юрия, Ростислав, умер в 1150 году, а следующий по старшинству, Андрей Боголюбский, оставил данный ему киевский пригород Вышгород и уехал в Суздаль, где родился и вырос, и где предполагал найти более спокойные условия для своего княжения. Став после смерти отца старшим в семье, Андрей предложил братьям — «мачешичам» оставить суздальские пределы и устраиваться на юге. Некоторые из братьев отправились с матерью к ее византийской родне, и император Мануил Комнен дал им в удел города на Дунае и Отскалонскую волость¹. Но отец преподобной Евфросинии, князь Михаил, остался на Руси, обосновавшись на юге, в Город-

¹ Ипатьевская летопись под 1162 годом. Область эта находится в Палестине, ее получил Мстислав Юрьевич, а города на Дунае — Василько Юрьевич.

це Остерском, построенном еще Владимиром Мономахом и находившемся в распоряжении его суздальского потомства¹. В 1162 году князь Михаил сочетался браком с княжной Февронией из семьи чернигово-северских князей, владения которых простирались по рекам Десне, Остеру и Сейму, окружая со всех сторон Городец Остерский. Несколько лет брак молодой четы был бездетен, и супруги «почасту хождаста ко Пресвятой Богородице в Печерский монастырь великих отец и трудоположник аввы Антония и Феодосия для молитв о чадородии». В 1165 году у княжеской четы родилась дочь, названная в крещении Елена, а народно-славянским именем Пребрана; игумен Печерской обители был восприемником ее от купели. Все свое детство и отрочество княжна Елена провела на юге — до 1169 года в Городце Остерском, а с 1169 года — в городе Торческе², предоставленном ее отцу Андреем Боголюбским. Семья князя Михаила Юрьевича оставалась в Торческе и после того, когда в 1172 году Боголюбский предоставил ему Киев. Дочь влиятельного князя, Елена Михайловна обращала на себя общее внимание красотой, умом и способностями к научению книжному; знатные юноши княжеских семей искали ее руки, в особенности внук тысяцкого Георгия Шимоновича³. 1174 год принес большие изменения в жизни преподобной Евфросинии: в ночь с 28 на 29 июня был убит в Боголюбове ее дядя Андрей Боголюбский. Ростовское и суздальское боярство пригласило в князья племянников Андрея, сыновей его старшего брата Ростислава Юрьевича, умершего в 1150 г., также находившихся на юге по воле Боголюбского. Отправляясь в Суздальскую Русь, Ростиславичи пригласили с собой и дядей, Михаила и Всеволода Юрьевичей, полагая, что они будут для них не бесполезны на новом месте, где только что произошел переворот, руководимый влиятельным боярством. Когда вся эта группа князей прибыла в Москву, пограничный город Суздальской Руси, ростовские бояре «слышавше негодоваша» и предложили Михаилу и Всеволоду «пождать мало на Москве» и не двигаться дальше, но они, не считаясь с предупреждением ростово-суздальского боярства, направились во Владимир и заняли его, опираясь на поддержку торгового и ремесленного населения города. Занятие Юрьевичами Владимира вызвало среди боярства старых городов области, Ростова и Суздаля, бурю негодования. Михаил и Всеволод были вытеснены из Владимира и должны были уйти обратно на юг. Временные победители произвели во Владимире, как в завоеванном городе, жестокую экзекуцию, а владимирское население в ответ на это отправило посольство к Михаилу и Всеволоду, прося их придти снова и возглавить борьбу против засилья ростовского боярства. Михаил и Всеволод Юрьевичи отправились во Владимира на отвоевание суздальской земли, а князь черниговский Святослав Всеволодович дал им вспомогательную дружину во главе со своим сыном Владимиром Святославичем, который и был объявлен женихом дочери Михаила Юрьевича, юной княжны Елены. Брак ее состоялся лишь в 1178 году после того, как отец ее и дядя отвоевали суздальское наследство, разбив своих противников на Белеховом Поле⁴. Отец преп. Евфросинии пробыл великим князем Владимиро-суздальским немного более года и умер, оставив власть брату Всеволоду Большое Гнездо (1176—1212). Овдовевшая княгиня Феврония с дочерью переехали из Владимира в Суздаль и заняли княжеский дворец, стоявший во кремле, на высоком берегу реки Каменки с церковью Успения Богородицы.

¹ Ныне село Старогородок Черниговской области.

² Пограничный город в «Поросье», расположенный на реке Рось.

³ В Житии он называется Миной Ивановичем, а в родословных — Федором Ивановичем; см. Родословные Бобринского, П. Долгорукова, Петрова, Руммеля и Голубовского.

⁴ Близ селения Юрьево, в нескольких верстах от Владимира.

Ликвидировав победой на Трусковой Горе (на реке Колокше) новые попытки Ростиславичей и ростовских бояр отвоевать власть, Всеволод Большое Гнездо вызвал из Чернигова жениха своей племянницы, княжича Владимира Святославича, и заключил их давно обьявленный брак. Венчание происходило в суздальском соборе; княжеский дворец, где происходило свадебное пиршество, окружали шумные толпы веселящегося народа—«бысть радость велика во граде Суждале». После свадьбы молодая чета уехала в Чернигов (Ипатьевская летопись, 121—122). Супруги жили душа в душу, помогая один другому, как умели, нести тяготы жизни, которые силою вещей выступали перед ними на очередь.

Так в 1180 году муж преп. Евфросинии и ее дядя оказались в различных враждебных лагерях: в Новгороде Великом скончался князь Мстислав Ростиславич Храбрый, и новгородцы пригласили к себе в князья черниговского княжича Владимира Святославича. Всеволод Большое Гнездо не мог допустить такого игнорирования его голоса в деле замещения княжеского стола в Новгороде, и между недавними союзниками, владимирским и черниговским князьями, произошел открытый разрыв и военные действия. Преподобная Евфросиния тяжело воспринимала эту распрю между ее мужем и дядей и молилась о том, чтобы эта вражда и военные действия поскорее окончились. В 1182 году мир состоялся, так что суздальские и черниговские рати вместе ходили походом на болгар. 1185 год принес много горя преподобной Евфросинии: родственники ее мужа, князья северские, совершили неудачный поход на половцев (описанный в «Слове о полку Игореве») и попали к ним в плен. По поручению своего отца, великого князя киевского Святослава Всеволодовича, муж преп. Евфросинии Владимир Святославич должен был отправиться в города и веси Посемья собирать силы и готовить средства на случай вторжения половцев в Северную землю, а сама преподобная Евфросиния поехала в город Путивль, чтобы утешить свою двоюродную сестру, княгиню Евфросинию Ярославну, жену плененного князя Игоря¹. Они вместе пережили поражение русских войск от половцев, и преподобная Евфросиния прилагала все усилия, чтобы смягчить отчаяние своей родственницы, у которой муж и сын оказались в половецком плену. Тот же 1185 год принес и новое огорчение преп. Евфросинии: тетка ее, Ольга Юрьевна, была отвергнута мужем Ярославом Осмомыслом, ради другой женщины, некоей любленицы Анастасии, которую галицкие бояре сожгли на костре — более для того, чтобы усилить свое влияние и поколебать авторитет князя. Княгиня Ольга Юрьевна, не выдержав этих потрясений, уехала из Галича к своей черниговской родне, и преподобная Евфросиния приложила все силы своей души, чтобы успокоить свою тетку; она убедила ее оставить этот суетный мир с его непрочными радостями, и Ольга Юрьевна уехала на суздальский Север, в Москву, и постриглась там в монахини (могила ее во Владимирском Успенском соборе)². В 1201 году преподобную Евфросинию постигло большое личное горе: неожиданно скончался ее супруг, чернигово-северский князь Владимир Святославич. С покорностью воле Божией приняла Преподобная ниспосланное ей испытание, находя утешение в том, что это приближало ее к исполнению давнишней мечты уйти в монастырь. Ее задерживали еще обязанности по отношению к матери, которая проживала в Суздале. Трогательны были отношения старой княгини Февронии и ее любимой дочери. «Не я тебя, а ты меня родила духом и телом», писала преподобной Евфросинии ее мать: «приезжай закрыть мне глаза, недалек час мой идти на суд Предвечного Судии и Владыки». Попрощавшись с муж-

¹ Евфросиния Ярославна была дочерью Ярослава Осмомысла Галицкого и дочери Юрия Долгорукого, Ольги Юрьевны, и таким образом приходилась преп. Евфросинии двоюродной сестрой.

² Полн. соб. русских летописей, т. II, 315, 318.

ниной родней, преподобная Евфросиния уехала в Суздаль и своими заботами о престарелой матери старалась выразить ей свою преданность и сердечную ласку, благодарность за данную жизнь, стараясь наилучшим образом использовать оставшееся время совместного пребывания. В 1202 году княгиня Феврония скончалась и, оплаканная дочерью, была похоронена в суздальском соборе Рождества Богородицы¹. Со смертью матери порывались последние узы, связывавшие преподобную Евфросинию с миром, и она решила оставить его. Теперь ничто более не задерживало ее от выполнения давнего намерения, и она обратилась к суздальскому епископу Иоанну (1190—1214) с просьбой помочь ей основать женскую обитель. Св. епископ Иоанн живо откликнулся на эту просьбу, «праведен бо бе и боголюбив зело, выну трепещай словес Божиих», говорит о нем летопись. Он видел в преподобной Евфросинии постоянное хождение перед очами Божиими, внимание словам Евангелия, как бы постоянно греющим с неба, и сам вдохновлялся ими на ежедневную деятельность, не побеждаясь страхом за человеческое достоинство². В 1207 году монастырь был готов. Он был построен за северными воротами городского посада во имя Положения ризы Богородицы во Влахерне. Монастырь находился от городских укреплений, «яко вержением камени», т. е. на расстоянии, на какое взрослый человек может добросить камень. Суздальская княжна и черниговская княгиня стала инокиней Евфросинией.

Начались годы непрестанных молитв, поста, углубления в смысл священных книг и богослужебных песнопений. Особенно волновали и поднимали ее дух богослужебные тексты Страстной седмицы: «Люди Мои, люди Мои, что убо сотворих вам!». Слушала она с раскрытой душой, и слезы неудержимо катились из ее глаз. Она падала ниц перед Искупителем человеческого рода, боясь оказаться как-нибудь в числе тех, кто заплатил Ему предательством, изымательствами, оплеванием, распятием. Приходя в келью, она продолжала молиться и так сострадала Христу, что чувствовала боль в руках и ногах, на местах пригвождения. По рассказу Жития, сам Христос явился ей в видении и благословил на молитвенное подвижничество. «Господи», воскликнула Преподобная: «как люди могли распять Тебя!» и услышала тихий ответ: «Распяша Мя, яко человека человецы велением вышним».

В 1214 году скончался св. епископ Иоанн; в 1213 году он оставил Ростово-суздальскую кафедру и пребывал на покое в Боголюбовом монастыре. Весть о его кончине быстро облетела землю суздальскую, и все спешили принять участие в его погребении, направляясь в Суздаль, куда везли хоронить святого. Преподобная Евфросиния с сестрами своей обители встретила его далеко за городом со свечами и пением и проводила к месту его вечного упокоения, в собор Рождества Пресвятой Богородицы.

В 1227 году преподобная Евфросиния встретила в Суздале со своей юной родственницей по мужу, дочерью св. Михаила Черниговского Марией Михайловной, выданной замуж за ростовского князя Василька Константиновича и посетившей тетку в ее суздальском отшельничестве³.

В 1236 году из-за Урала показались татары; они покорили волжских болгар, мордву и в 1237 году вторглись в русские земли. Рязань, Коломна, Москва лежали в развалинах, и в начале февраля 1238 года

¹ В Лаврентьевской летописи под 6710 (1202 г.) читаем: «Преставися княгиня Михалкова Феврония месяца августа в 5 день, на память святого мученика «Евстигия и положена бысть в церкви Святыя Богородицы в Суждале». Гробница ее открыта летом 1948 г. А. Д. Варгановым.

² О неустанном храмоздательстве св. епископа Иоанна см. очерк о нем «Св. Иоанн, епископ Суздальский» — «Журнал Московской Патриархии» 1947 г., № 9.

³ Св. Михаил Черниговский — племянник мужа преп. Евфросинии. Мария Михайловна приходилась ей внучатой племянницей.

хан Батый со своим войском подошел к стенам Владимира, а часть войска отделил для осады Суздаля. Город был взят и разграблен. «И святую Богородицу разграбиша и двор княж огнем пожгоша и монастырь святого Димитрия пожгоша, а прочие разграбиша». Два дня оставались татары в Суздале, расположив свой лагерь на Яруновой улице, убивая сопротивлявшихся и увозя в свои станы молодое население в качестве военной добычи. Преподобная Евфросиния пережила нападение татар в своем монастыре; в несчастьи своего народа она нашла новое побуждение для выполнения заповедей христианства. Сама потерявшая почти все, она не переставала оказывать помощь людям, потерявшим кров и пищу. С небольшой кучкой спасшихся сестер ее обители преподобная Евфросиния обходила обгорелые остатки улиц сожженного города и окрестных селений, находила голодных и раздавленных горем людей, помогала им чем могла, ободряя утешением и надеждой.

Никто бы не узнал теперь в этой изможденной монахини когда-то юную княжну, сиявшую красотой на свадебном пиру среди шумных гостей и наряда, заполнявшего двор княжеской усадьбы. Пережитые потрясения, сострадание к чужому горю, благотворительная деятельность истощали физические силы Преподобной, так что их едва хватало для того, чтобы поддерживать пламень ее душевного горения. Все время она проводила в непрестанных молитвах, в беседах с приходившими к ней за помощью и утешением не только из окрестностей города, но и отдаленных местностей. Преподобная Евфросиния как-будто торопилась отдать приходившим к ней людям все, что у нее еще оставалось: опыт, вынесенный за долгую жизнь, книжную мудрость, накопленную с детства, непоколебимую веру в будущее своего народа, стараясь передать поколению русских людей моральные силы перенести свалившееся на него национальное бедствие. После одной из таких бесед с приходившими к ней почитателями она почилла о Господе и была похоронена в основанном ею Ризоположенском монастыре «с великими стенаниями, рыданиями и воплями» отовсюду собравшегося народа, надгробное рыдание которого заглушало погребальное пение.

II

До середины XVI века не существовало никакого Жития преподобной Евфросинии. Агиографическое движение, связанное с именем Митрополита Макария, захватило и Суздаль. Инок суздальского Спасо-Евфимиева монастыря Григорий (по выражению акад. Е. Е. Голубинского) «возымел уверенное в себе дерзновение» написать жития и службы всем суздальским святым. Приступая к составлению Жития Преподобной, Григорий, как он сам свидетельствует, не имел никаких письменных материалов о ее жизни и должен был создавать житие на основании устных преданий, хранившихся среди монахинь Ризоположенского монастыря¹. Само собой понятно, что устная традиция не могла сохранить в течение более 300 лет сколько-нибудь точных сведений о жизни преподобной Евфросинии, и составителю ее жития ничего не оставалось другого, как собрать все рассказы монахинь и уложить их в некоторой последовательности. В монастыре помнили лишь, что преподобная основательница его была суздальская княжна, дочь князя Михаила, что в то же время она принадлежала к семье черниговского князя, что после смерти своего мужа она приехала в Суздаль, поступила в Ризоположенский монастырь, пережила татарское нашествие и, скончавшись, была похоронена в сво-

¹ Во вступлении к житию Григорий говорит, что он пишет лишь то, что «сподобихся достоверно слышать от поведавших ми неложно черноризиц обители преподобныя, яже во граде Суздале».

ей обители. В то же время в соседнем Ростове во второй половине XIII века установилось церковное почитание памяти св. Михаила черниговского и его боярина Феодора; почитание возникло в Ростове по инициативе его дочери, княгини ростовской, Марии Михайловны (жены ростовского князя Василька Константиновича) и ее сыновей Бориса и Глеба, из которых первый присутствовал при мученической кончине своего деда и умолял его уступить внешней силе и исполнить требования татар, чтобы избежать мучений и смерти. Вскоре после мученической кончины князя Михаила в Орде, в Ростове была составлена повесть о его убиении и установлено церковное почитание его памяти¹. Составляя Житие преподобной Евфросинии, инок Григорий отождествил суздальского князя Михаила с Михаилом черниговским, и многое из его жития заимствовал для жития преподобной Евфросинии в дополнении к рассказам монахинь. Представленное на суд Митрополита Макария, оно не получило его одобрения и не вошло ни в один список его Четых-Мяней. На исторические несообразности Жития указывали потом и гражданские историки, напр. Н. М. Карамзин и С. М. Соловьев. В родословных таблицах Карамзина («История Государства Российского», т. XII, роспись № 3) семья св. черниговского князя Михаила указана в составе пяти сыновей и одной дочери Марии Михайловны, по мужу ростовской княгини. Отсутствие удовлетворительного жития и службы помешало канонизации преподобной Евфросинии на соборах 1547 и 1549 гг. Канонизация ее состоялась уже в 1578 году, при Митрополите Антонии, по хлопотам суздальского епископа Варлаама (1570—1585). Он был исключительно ревностным почитателем памяти святых и вообще чрезвычайно энергичным архипастырем. Будучи игуменом Стефанова Махрицкого монастыря, он добился канонизации св. Стефана и его учеников, Григория и Кассиана Авнежских. Став епископом суздальским, Варлаам проявлял самые большие старания к прославлению суздальских святых, из которых только один преподобный Евфимий (на соборе 1549 г.) был канонизован, как всяя России чудотворец. Епископ Варлаам добился, что в 1578 г. был канонизован св. Иоанн, еп. Суздальский, препод. Евфросиния в 1580 г., а в 1581 году был причтен к лику святых и епископ суздальский Феодор². Для канонизации преподобной Евфросинии епископ Варлаам должен был найти текст ее жития и службы, написанный в 50-х годах XVI столетия иноком суздальского Спасо-Евфимиева монастыря Григорием. Рукопись оказалась в Стефановом Махрицком монастыре, куда ее унес махрицкий инок Савватий, суздальский уроженец, получив ее от автора Григория «для переписания чудес», т. е., чтобы сделать себе список жития³. Но вследствие смерти Григория в 1565 году, рукопись осталась у Савватия и после смерти самого Савватия в 1575 году поступила в монастырское книгохранилище. Там и нашел ее епископ

¹ В древнейшей редакции Жития св. князя Михаила и его боярина Феодора, восходящей к половине XIII века, читаем: «Вложи Бог в сердце благочестивыма и правоверныма нашего князема, внукама его Борису и Глебу, брату его, и матери их Марии, и создаста церковь во имя его, и установиша праздновати месяца сентября в 20-й день». См. Н. Серебрянский, «Древне-русские княжеские жития», стр. 110—11 и Д. С. Лихачев, «Русские летописи и их культурно-историческое значение», стр. 283.

² В связи с этими торжествами в 1580—82 гг. была построена и ныне существующая соборная церковь Ризоположенного монастыря, в которой в 1584 году был сооружен приделный храм во имя преподобной Евфросинии.

³ Акад. П. М. Строев ошибочно считал, что «монах Григорий написал сие Житие» (преп. Евфросинии) в Махрицком монастыре у игумена Савватия» (см. Библиологический словарь, стр. 71), а В. О. Ключевский полагал, также ошибочно, что здесь говорится о Савватии — архимандрите Спасо-Евфимиева монастыря; на самом же деле Житие было написано в Суздале, но унесено иноком Махрицким Савватием в свой монастырь для переписки с согласия автора, знавшего Савватия, как Суздальского уроженца; в 1571—1575 гг. этот Савватий был игуменом Махрицкого монастыря. См. списки Строева.

Варлаам в одно из своих путешествий в Москву, заехав на обратном пути в Махрицкий монастырь. Отыскав нужные материалы, Варлаам представил их вместе со списком чудес, совершившихся над гробом Преподобной, Митрополиту Антонию и царю Ивану Грозному. Соборным постановлением 1580 года преподобная Евфросиния была канонизована. Вот как сообщает об этом сам епископ Варлаам в рукописной «Повести об изобретении стихир, канона и жития преподобные княжны, без вести бывших много лет». «Епископ Варлаам суждальский извещал государю, царю и великому князю Иоанну Васильевичу всея Руси о преславных чудесах преподобныя княжны Евфросинии, и житие ее и канон великому государю подал. И повеле великий Государь Житие и чудеса написать в пользу читающим и слышащим. Такжеже Преосвященный Митрополит Антоний, иже тогда украшал престол Российския Митрополии, слышав о преподобной Евфросинии, елико Бог творит чудеса ее ради, и собрав весь освященный Собор, стихиры и канон, жития и чудеса чести и праздновати повеле месяца септембрия в 25 день».

Со дня кончины преподобной Евфросинии прошло 700 лет, но светильник ее светит так же ярко на церковном небе, как и нашим предкам, которые называли ее преславной начальницей и учительницей инокиням рода русского и пресветлой суздальской звездой.

И. Спасский

ВЕЛИКАЯ СВЯТЫНЯ ПРИАМУРЬЯ

Далекая окраина нашего государства — Приамурье, имеет свою великую святыню — икону Божией Матери, благоговейное почитание которой началось около трех столетий тому назад...

Благочестивое сказание гласит, что еще на заре государственной жизни нашей страны — в 14 веке полчища Тамерлана устремились из степей Средней Азии на Русь беззащитную, ослабленную внутренними неурядицами, и ей угрожала опасность полного разрушения, разорения, опустошения. Тамерлан уже готов был броситься во внутренние пределы Российские, но здесь произошло событие, навсегда запечатленное в отечественных летописях: в ночь на 26 августа Царица Небесная, окруженная сонмами светлых ангельских воинств, явилась в сневидении Тамерлану и запретила ему входить в пределы Российские.

Проснувшись в беспокойствии, уstraшенный внушением, Тамерлан немедленно приказал своим войскам отступить, и больше никогда этот страшный завоеватель не подходил к пределам нашего отечества.

Не оставила Богоматерь без благодатной помощи нашу землю и во всех последующих столкновениях с монголами. И вот когда русские люди сами двинулись к берегам Амура, Она Пречистая дала вещественный знак — знак своего благодатного покровительства новому, ставшему русским, краю — Свою чудотворную икону.

Время ее первоначального явления, лицо ее написавшее неизвестно — все это затерялось в глубокой древности. Вот исторически известные факты: в 1666 г. русские прибыли на Амур, основали первый населенный пункт — Албазин; сюда же вместе со всеми прибыл блаженной памяти старец Гермоген, который принес с собой из Киренского монастыря благословение новому краю — икону Божией Матери, тогда уже почитаемую чудотворной. В 1671 г. блаженный старец недалеко от Албазина в урочище, известном теперь под названием «Брусняной Камень», построил небольшой монастырь, в котором и пребывала первоначально св. икона, получившая название Албазинской от первого населенного пункта на Амуре.

В 1685 г. китайцы осадили Албазин, угрожают совершенным истреблением всего населения. Сначала эта небольшая предоставленная себе горстка русских, под председательством воеводы Талбузина, храбро защищалась, но потом, по совету умудренного опытом старца Гермогена, вошла в переговоры с китайцами и, выговорив себе право беспрепятственного возвращения на Родину, удалилась в пределы своей земли.

Проходит почти два столетия; в 1858 г. по Айгунскому трактату Амурский край снова отходит к Российскому владению. В мае того же года облеченный большими полномочиями генерал-губернатор Муравьев (один из либеральных и прогрессивных губернаторов своего времени) вместе с архиепископом Иннокентием (Вениаминовым) прибыл в станцию Усть-Зейскую в день Св. Николая 9 мая. Архиепископом Иннокентием заложен был здесь храм в честь Благовещения Божией Матери

(первое здание), и самая станица названа Благовещенской — в память начала служения архиепископа Иннокентия при Благовещенском храме в г. Иркутске, и по государственным соображениям — «отсюда изойдет благая весть о воссоединении Приамурского края с Российскими владениями». Скоро станицу переименовали в гор. Благовещенск.

Еще прежде появления здесь чудотворной иконы слух о ее благодатной помощи, чудесах уже достигли берегов Амура: многие переселенцы направились в новый неизведанный край и проезжая через Сретенск, не упускали случая помолиться пред образом Той, Которая источала и источает «неисчерпаемое чудес море».

И так — новый город, целый край имеет небесное благословение, его насельники и здесь, вдали от родины не оставлены сиротами. Преосвященный Гурий, управляющий епархией с 1885 г., расположил верующих к более усердному чествованию иконы Божией Матери, тогда же был установлен и день Ее чествования — 9 марта, установлено и еженедельное чтение акафиста Ей по воскресеньям вечером.

Преосвященный Владимир, Евгений (Зернов) и др. поддерживали трогательное отношение к этой святыне и оно дошло до наших дней.

Чудотворная икона Албазинская, именуемая «Слово плоть бысть», изображает Чревоношение Богомладенца.

Наступил 1900 год.

Китайцы, до сих пор мирно настроенные, вдруг делают военное нападение на безоружный, беззащитный Благовещенск, девятнадцать дней продолжается осада, город осыпается огнем снарядов. В соборе, по предложению епископа Иннокентия, идет непрерывное чтение акафистов, молебных пений пред чудотворным образом, народ наполняет храм, льется молитва из тысячи уст... и Господь не оставляет беззащитных, безоружных, беспомощных — город почти не пострадал. Ни что не могло удержать обнаглевших пиратов от нападения на город: ни обмелевший Амур, ни войско, но, однако, удерживаемые какой-то силой, они не осмелились переправиться через Амур, чтобы предать огню и мечу беззащитный город. Кто же остановил их, кто защитил беззащитный город?

Ходит благочестивое сказание, основанное на рассказах китайцев, что по берегу Амура и иногда над городом в эти дни ходила «шибки белая» женщина, которая внушала врагам непобедимый страх и лишала их снаряды губительной силы. Богоматерь не отказала в помощи... И к Ней Пречистой шли, идут и будут идти...

Имеется рукописная служба в честь этой иконы, составленная человеком, искушенным во всех тонкостях православной литургики; к сожалению, автор не известен. Тропарь обычный: «К Богородице прилежно», кондак — «Не имамы иныя помощи». Величание особенное: «Величаем Тя, Пресвятая Дево, и чтем образ Твой святыи, его же блаженный старец Гермоген даде нам на враги в победу и всем верным во спасение».

Индивидуализированы стихиры на «Господи, воззвах» — «Ныне страна Приамурская о Тебе вхвалится и веселится, имеюще Тя Заступницу непостыдную и стену нерушимую, граду нашему непоколебимое основание, стража неусыпна земли Российской...»

Вот из стихиры на «Славе» — «Приидите, возрадуемся Державной Заступнице града нашего... дарует бо Богородица верным обильные дары целебные от неистощающего источника святых иконы Албазинские».

Вот из молитвы:... «отцы наша молиша Тя, да явиши покров Твой и заступление стране Приамурской». Как и везде и всегда молитва «О всех и за вся» — о всех людях, о стране, о мире всего мира...

Какая всеобъемлющая широта! Какая глубина! никто не забыт — всех подводит Святая Церковь под покров Пречистые Девы — Матери...

Протоиерей Анатолий Левицкий

ЗА МОНАСТЫРСКИМИ СТЕНАМИ

Напряженной и многообразной жизнью живет громадная Советская столица. Мчатся по ее улицам легкие автомобили и проворно взбираются с тяжелой кладью в гору грузовики, струятся во всех направлениях потоки пешеходов, со сказочной быстротой растут корпуса многоэтажных домов. Различные звуки, рождающиеся непрерывно, образуют в совокупности некую торжественную симфонию...

Но сохраняются в недрах города-исполина и такие, полные очарования, места, куда шум жизни доносится сильно смягченным или даже не проникает совсем — оазисы безмятежного покоя, где только звонкое пение птиц прерывает порой думы сидящего на камне пришельца...

Донской монастырь на южной окраине Москвы. Прекрасный архитектурный ансамбль XVI—XVII вв., сооруженный в память избавления первопрестольного града от нашествия Казы-Гирея. Памятник, бережно охраняемый, как и все сокровища старины, советским народом. Здесь, за добротными монастырскими стенами, существует словно иной мир, насыщенный ароматом прошлого, — мир, над которым витает нежная, волнующая сердце грусть.

Сентябрьский пасмурный день. Земля точно дышит глубоко после недавно прошедшего дождя. Небо затянуто сплошной пеленой облаков. Старые клены, искусно позолоченные осенью, раскинули над могилами нарядный шатер. От опавшей листвы исходит пряный запах увядания. Тишина. Восхитительная, прозрачная тишина.

Перед нами древняя соборная церковь в честь «Донской» иконы Божией Матери. Та самая церковь, которую воздвиг царь Феодор Иоаннович при основании монастыря. По преданию, на этом месте находилась царская ставка, помещавшаяся среди русских полков, вышедших навстречу грозному врагу.

Мы входим в этот старинный храм с характерными (несмотря на переделки позднейших времен) чертами архитектуры XVI века, с просторной трапезной, пристроенной к нему в следующем столетии. Служба уже отошла; последние богомольцы долго крестятся и направляются к дверям. Тишина, которая царит вокруг, словно более сгустилась под низкими сводами.

Храм-усыпальница... На сером камне пола то здесь, то там чернеют чугунные плиты надгробий. Сколько различных людей обрело последний покой под кровом Пресвятой Богородицы! Смирненные иноки, блистательные вельможи екатерининских времен... «Блажены их же избрал и приял еси, Господи...» О сколь сладостно почитать им в такой упоительной тишине, где ничто не колеблет ровного пламени свечи!

Особенно дорогая для православного сердца могила находится у южной стены трапезной. На гробнице, огражденной чугунной решеткой, — скромный парчевый покров и образ Распятого Спасителя. В изголовии, на аналое — икона св. Тихона Задонского. На стене, прямо над

гробницей укреплен небольшой образ Благовещения, освещаемый одной простой лампадой. Под этим образом — мемориальная доска. По белому фону золотом вытиснено: «Святительство Твое да помянет Господь Бог во царствия Своем. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Тихон. 1917 21 ноября — 25 марта 1925».

Патриарх Тихон... Я вспоминаю благообразного старца с добродушнейшим лицом: среднего роста, с венчиком седых волос, стоит он в алтаре и ласково гладит по голове подошедших к нему за благословением подростков. Много разноречивых суждений вызывала в свое время деятельность этого достойного Первосвятителя Русской Церкви. Да и не мудрено. В очень уж сложный и ответственный исторический момент возложил Вседержитель патриаршую мантию на его рамена. 1917 год... После длительной и многотрудной борьбы русский народ сбросил с себя ненавистное иго самодержавия. Очистительным вихрем пронесется над Россией Великая Октябрьская социалистическая революция, уничтожившая всяческую эксплуатацию в нашей стране. Бурно закипает общественная жизнь. Народные силы, скованные до этого абсолютистским режимом, устремляются на создание совершенно нового, еще невиданного в истории, общественного строя.

Мощные волны событий сотрясают и корабль Русской Православной Церкви. Трудно в такие минуты быть кормчим. С кем идти? С народом своей Родины или с теми, кто повел яростную борьбу против молодой Советской республики? История ставит перед Святейшим Тихоном вопрос именно так, но злые советники Патриарха — приверженцы старых порядков уверяют его, что в России наступил хаос, Церкви грозит гибель и что только в союзе с контрреволюцией она найдет себе опору. Возникает множество церковных толков: каждый из руководителей обособившихся группок, громогласно именующих себя «церквями», претендует на управление всей Российской Церковью.

Перед лицом таких исключительных трудностей Патриарх Тихон не падает духом. Он проявляет лояльность по отношению к новой власти и прилагает все усилия к сохранению церковного единства. И ему удается удержаться под своей архипастырской рукой подавляющее большинство духовенства и верующих. Недаром Русскую Православную Церковь называют в это время «Тихоновской».

Справедливость требует сказать, что иногда Святейший Тихон совершал крупные ошибки. Изъятие церковных ценностей, вызвавшее неодобрение Патриарха, спасло жизнь сотням тысяч голодавших в годы гражданской войны людей и не нанесло величю Русской Церкви ни малейшего ущерба. И не мог столь умный и проницательный деятель, каким был Святейший, не осознать вскоре же неправоту своей позиции...

Русская Православная Церковь обязана Патриарху Тихону многим. Именно благодаря ему она противостояла различным соблазнам и вышла из всех испытаний окрепшей и еще более сильной духом. Его преемники на патриаршем престоле завершили то, что помешала выполнить Святейшему Тихону смерть. Они установили абсолютно правильные, полные взаимопонимания, отношения с Советским Правительством. И теперь Церковь нашей необъятной Родины обладает таким духовным могуществом и пользуется такой внутренней свободой, какие не могут быть наблюдаемы во всей ее многовековой истории. Совершившиеся недавно в Москве торжества убедительно показали, каким громадным авторитетом и уважением пользуется Русская Церковь в православном мире.

Светлая память Патриарха Тихона имеет множество почитателей. И на окнах около его гробницы появляются все новые и новые цветы. Пышные хризантемы и изящные гортензии красиво оттеняют скромную могилу Первого Патриарха обновленной Руси.

Еще один святитель поживает под сводами уютной соборной церкви. Преосвященный Амвросий, архиепископ Московский (1768—1771), принял мученическую кончину. Вспыхнувшая в Москве эпидемия чумы довела до отчаяния городскую бедноту. Огромные толпы с утра до поздней ночи молебствовали у Варварских ворот перед чудотворной иконой Божией Матери «Боголюбской». Скопления людских масс угрожали дальнейшим распространением ужасной болезни. Поэтому Преосвященный Амвросий распорядился временно убрать икону. По городу поползли нелепые слухи. Несколько безумцев сочли Амвросия виновником всех бедствий и зверски убили его перед стенами монастыря. Могила архиепископа находится в главном храме — у арки, ведущей в левый придел. На гробнице — лампада перед маленьким медным крестом.

Вокруг храма — кресты, памятники, плиты. Можно отыскать на них имена, которые взволнуют русского человека. «Петр Яковлевич Чаадаев» — друг величайшего поэта, глубокий мыслитель прошлого века; «Варвара Петровна Тургенева» — родительница писателя, у которого всегда будут учиться великолепию родной речи. Еще могилы, еще надписи... И хочется долго-долго оставаться среди этих старинных стен. Медленно ступать по дорожкам кладбища, усыпанным желтыми листьями, и думать о тех, кто с честью выполнил свое жизненное предназначение...

Георгий Александров

ПРОФЕССОР ПРОТОИЕРЕИ В. В. ПЛАТОНОВ

НЕКРОЛОГ

В субботу, 11 декабря 1948 г., после тяжелой и продолжительной болезни отошел в вечность Настоятель московского храма Всех Святых, профессор Московской Духовной Академии, протоиерей Вениамин Васильевич Платонов. Нить его земной жизни прервалась в 8 часов утра, а к вечеру того же дня весть о кончине о. Вениамина стала достоянием всей церковной Москвы. Все, знавшие покойного, восприняли эту весть, как личное горе; и, действительно, среди нас одной светлой личностью стало меньше, и наше самочувствие заметно омрачилось печалью сиротства и оскудения.

Но особенно тяжела эта утрата для многочисленной паствы Всехсвятской церкви и для Московской Духовной Академии. Первая лишилась самоотверженного пастыря, чуткого к нуждам каждой верующей души, вторая потеряла ученого богослова, наставника и воспитателя будущих пастырей Церкви Христовой, и вместе с тем — все мы лишились замечательного человека, который при жизни не имел врагов, а по смерти приобрел себе и тех немногих, кто в свое время не умел ценить его должным образом.

Как человек, целеустремленный и деятельный, о. Вениамин оставил в этой жизни значительные духовные ценности, которые мы теперь должны бережно собрать, чтобы сим духовным наследием пополнить собственную оскудость. Пусть образ жизни и труды его послужат нам на пользу.

Проследим сначала внешнюю линию жизни о. Вениамина. Родился он в семье священника гор. Белгорода в 1883 г. О его детских годах нам ничего не известно, но можно предполагать, что даровитый мальчик возрастал в здоровой нравственной атмосфере духовной семьи и затем с большим успехом учился в начальной и средней духовных школах. По окончании харьковской Духовной Семинарии в 1903 г. он вступил в брак и стал приходским священником.

Однако, кругозор семинарского образования не удовлетворял молодого и вдумчивого священника, и он устремился к более широким просторам богословской учёности. Благородное стремление привело о. Вениамина в сентябре 1906 г. в Московскую Духовную Академию, которую он и окончил кандидатом богословия в 1910 г.

Семейное положение молодого священника-богослова естественно затрудняло его дальнейшее движение к высотам богословской учености, затрудняло, но не угашало, и он, преподавая Закон Божий в харьковских гимназиях, продолжал самостоятельно работать над углублением своих знаний в области Священного Писания Нового Завета. В тщательном изучении слова Божия, Отцов Церкви и новейших работ в области новозаветной исагогики и экзегетики зародилась и тема магистер-

ской диссертации: «Повествование Евангелия Иоанна о прощении Господом Иисусом Христом жены-грешницы» (7, 53—8, 11). Писал о. Вениамин эту диссертацию уже в Москве, куда он перешел в 1912 г. на место законоучителя Елизаветинского Института. Здесь диссертация быстро двинулась вперед, была скоро закончена и в 1916 г. напечатана в типографии Свято-Троицкой Лавры. А в октябре месяце того же года о. Вениамин успешно защитил ее в заседании Совета Московской Духовной Академии. Признанный достойным ученой степени магистра богословия, о. Вениамин был утвержден в ней в апреле 1917 г.

После ликвидации законоучительства в школах о. Вениамин в течение ряда лет настоятельствует в различных храмах Москвы: сначала в храме св. Мартина, затем в храме Вознесения на Серпуховке, после — у Большого Вознесения около Никитских ворот и в других приходах — вплоть до 1938 г. Последним местом служения о. Вениамина был храм Всех Святых, куда он получил назначение в 1945 г. С осени того же года его пригласили, как магистра богословия, в Православный Богословский Институт на кафедру Священного Писания Нового Завета. С преобразованием духовной школы в Академию и Семинарию в 1946 г. о. Вениамин продолжал чтение своих содержательных лекций на старших курсах обеих духовных школ в качестве профессора Академии. Читал он почти до рождественских каникул 1947—1948 учебного года, хотя с минувшего лета к нему уже пришла болезнь, которая и в первом полугодии не раз заставляла его пропускать занятия. В это время он все же продолжал служить в своем храме, а с Пасхи 1948 г. его служения стали все реже и реже, пока не прекратились совершенно.

Таков жизненный путь незабвенного о. Вениамина. Несмотря на скупые очертания, этот путь своими главными вехами ясно указывает нам на основное направление его жизни — служение Богу. У нас нет данных, характеризующих пастырскую и законоучительскую деятельность о. Вениамина до 1917 г., но нам известно, что и тогда эта деятельность была живой и одухотворенной, что и тогда в христианском воспитании юношества о. Вениамин видел смысл своих богословских знаний. О многолетнем же пастырском служении покойного мы можем составить представление по трем последним годам настоятельства о. Вениамина в храме Всех Святых.

* *
*

Православная Москва надолго запомнит светлый образ о. Вениамина, как пастыря-проповедника и благоговейного служителя у Престола Божия. За короткий трехлетний срок сумел он привлечь и привязать к себе сердца многочисленной паствы, выходящей далеко за пределы его прихода. Такую любовь к о. Вениамину легко понять, если вспомнить скромный образ его личной жизни при самоотверженном труде на благо и возрождение прихода Всехсвятской церкви. Она досталась о. Вениамину в полуразрушенном состоянии, но через год можно было видеть, как много сделал он для ее восстановления: церковь всех Святых стала одной из лучших в Москве по убранству и благолепию, по общему материальному состоянию и посещаемости верующими. На всем, начиная от согласного строя внутрприходской жизни и кончая превосходным хором певчих, лежит печать особой культуры о. Настоятеля, по замыслу которого, между прочим, написана замечательная картина Всех Святых над новым иконостасом главного алтаря.

Еще более памятными для прихожан этого храма останутся еженедельные беседы о. Вениамина на литургические темы и его короткие,

но задушевные проповеди, которые он неукоснительно произносил за каждым богослужением.

Можно не сомневаться в том, что память об о. Вениамине, как о ревностном пастыре, много потрудившемся для славы Божией, будет долго жить в сердцах признательных прихожан его чудесного храма, который и сам по себе остается видимым напоминанием его преемникам — как надо заботиться о благолепии Дома Божия.

* *
*

Счастлив человек, когда во внешних обстоятельствах и условиях жизни ему дается возможность отдавать все свои силы на служение Богу. Пример такого служения мы и видим в образе жизни покойного

Профессор-протоиерей В. В. Платонов

о. Вениамина. Как в прежние, молодые годы делил он свое время между приходом и законоучительством в школах, так и в последние три года значительная часть его времени и внимания уделялись преподаванию Священного Писания Нового Завета в наших духовных школах.

Семинаристы и студенты Академии всегда с нетерпением ожидали лекций о. Вениамина, полных вдохновенной убежденности и научной обстоятельности. Читал он свой курс с горячим увлечением, заражая им и своих молодых слушателей. В его методе не было никакой искусственной установки, кроме желания приобрести Богу не только умы, но сердца слушателей. Он и достигал этого предельной искренностью своего верующего разума и раскрытием личного религиозного опыта. Хорошо вооруженный знанием текстов и Отцов Церкви, о. Вениамин пользовался и позднейшей критико-текстологической и экзегетической литературой. Но он не пытался «малой горстью ума исчерпать бездонное море таин Божиих» и считал, что всякое знание должно направляться

к возвышению нравственного бытия в человеке и к прояснению в нем образа и подобия Божия.

Несмотря на свою принадлежность к старой школе, о. Вениамин хорошо представлял ее недостатки и много думал о том, каков должен быть дух и строй современной духовной школы. Он понимал, что на деле имеется пока лишь некоторое приближение к прежнему образцу, привычному для большинства наставников-питомцев прежней академии. «Для нас, — говорил он, — копирование отжившей старины в известной мере даже естественно, и на строительство новой духовной школы мы смотрим, как на реставрацию школы прежней. На самом же деле необходимо не возвращение вспять, не реставрация старых академий и семинарий, а рождение нового училища благочестия, где будущие пастыри Церкви Христовой могли бы получить не только знание догматов Православия, но и Дух Христов и даже, главным образом, Дух Христов»...

Таким образом, новой духовной школе следовало бы решительно отступить от опасного подражания старому образцу во многих отношениях: и в учебниках, и в методах преподавания, и особенно в методах воспитания. Последнее, в сущности, должно стать первым, главным, решающим... В центре такой школы представляется прежде всего храм и вокруг него христианское общежитие наставников и учащихся. Во главе всего дела — духовно опытные учителя, старцы, духовники. Ежедневные службы, чинные, благоговейные. Обязательные поучения наставников и питомцев, особенно — отмеченных печатью духовного опыта. В общежитии — единство интересов, устремленность к единой цели, неустанная заботливость друг о друге. В основе общежития — послушание воле старшего. В основе наук — приведение разума в послушание вере. Повседневное изучение слова Божия, затем — исторические науки и собственно богословские, но вместе с тем и практическая наука «стяжания Духа Святаго». Тут ничего выдумывать не нужно, ибо все дано в примерах духовного и учительного руководства наших старцев, начиная с Паисия Реличковского...

Заключая эти мысли о новой школе, незабвенный о. Вениамин говорил: «Святым Духом всяка душа живится и чистотою возвышается» — вот предмет научения в богословии, главный и, может быть, единственный, который нужен»...

* *
*

Так выражал о. Вениамин свою любовь к Семинарии и Академии, так болел душой за них и мечтал о том времени, когда во главу угла духовная школа положит формирование личности и собирание души, когда на каждый запрос жизни и знания она будет давать исчерпывающий христианский ответ. Мечтал и в то же время много трудился для богословской науки, как прежде, так и в последнее время.

Из прежних его трудов магистерская диссертация, являющаяся теперь библиографической редкостью, представляет замечательный опыт исагогического исследования и экзегетического освещения евангельского рассказа о прелюбодейной (Иоан. VII, 53 — VIII, 11). Этот опыт напоминает нам о том, что «сколь ни много может сообразительный и довольно точный в своих изысканиях ум человеческий, тем не менее над ним неизмеримо возвышается соборное сознание верующих; как бы ни хотел человек проводить в жизнь свои воззрения и выводы, все же историческим ходом событий он вынужден покорно или полупокорно склонить голову перед волей Церкви. Поэтому, на отрывке о прелюбодейной и его истории мы можем заметить отражение призыва — внимать голосу церковному и вручать себя материнскому водительству Церкви», что и выполнил в своей жизни сам о. Вениамин, не

отклонившись никуда в стороны от прямого пути православной церковности.

Из других богословских трудов о. Вениамина, напечатанных до 1917 г., следует отметить такие работы, как психологический этюд «О молитве», «Лукреций Кар и Соломон», «Правила Св. Апостолов, Вселенских Соборов...», как литургический источник», «Русская литература о Вселенских Соборах», «Психология молитвы Ефрема Сирина» и ряд других, рассеянных по старым церковным журналам.

Последние годы служения о. Вениамина также не были бесплодными в смысле ученых работ, хотя занятость его была чрезвычайной. Укажем на большую статью «Москва и Православный Восток», написанную к 800-летию Москвы. А в самое последнее время им была закончена большая работа о книге проф. Виппера «Возникновение христианской литературы». Все это написано с большим знанием дела и в тоне непоколебимого убеждения в силе христианских истин.

Последнюю работу он доканчивал уже во время болезни, радуясь возможности использовать для ее завершения свой невольный и роковой досуг. За четыре дня до смерти о. Вениамин все еще работал, читал, интересовался академическими делами, новыми книгами. Их было немного в его более чем скромной комнатке на 3-м Крутицком переулке, но зато они не лежали праздны на полках и служили не тщеславию хозяина, а его неутомимой любознательности.

* *
*

Хоронили о. Вениамина во вторник 14 декабря. Будничным днем с его заботами и обязанностями не помешал многочисленным прихожанам и духовным детям покойного заполнить большой храм до тесноты. Литургию служил Преосвященный Макарий, епископ Можайский, в сослужении Протопресвитера Н. Ф. Колчицкого и местного духовенства. Замечательно стройный хор под управлением Н. С. Данилова проводил своего покровителя строгими напевами особенно любимых им литургических песнопений.

После Литургии на отпевание усопшего вышли из алтаря: Преосвященный Макарий, Протопресвитер Н. Ф. Колчицкий, Протоиерей А. П. Смирнов, Инспектор Московской Духовной Академии Архимандрит Вениамин, Благочинный I округа о. Стефан Марков, Настоятель Пименовского храма о. Михаил, доценты Академии — священник о. Александр Ветелев и свящ. о. Константин Карчевский, студенты Академии — прот. о. Василий Скворцов, прот. о. Валериан Николаев, свящ. о. Иоанн Крестьянкин и местное духовенство. В храме присутствовали также ученики старших классов Семинарии и студенты Академии.

Отпевание происходило по особому чину, торжественно и неспешно. Море зажженных свечей ярко горело живым пламенем единодушной молитвы об усопшем... Иногда молитвенное внимание ослабевало, и перед мысленным взором вставал живой образ о. Вениамина... Вот он, в сиянии светлой улыбки, смотрит из северного входа в алтарь, вот идет с каждением по храму; вот, благословляя, шепчет на ухо ласковое слово приветия и добрых пожеланий, и вот он в гробу... Томит вопрос: зачем так рано ушел от нас, когда еще нужен был для паствы, для школы, для Церкви?.. Но из Священного Писания звучит ответ: «Не в долговечности честная старость, и не числом лет измеряется. Мудрость есть седина для людей, и беспорочная жизнь — возраст старости» (Прем. Солом. IV, 8, 9). Значит, взят ты Господом, как зрелый плод, исполненный благоухания и вкуса мудрости, и болезнь, тяжелая и долгая, составляла для твоей души очистительное лекарство. Тогда «скажи,

и мне, Господи, кончину мою и число дней моих, какое оно», — взды- хала душа и вновь входила в молитвенное русло.

Но вот пение умолкло, и в тишине всеобщего внимания зазвучало надгробное слово студента Академии протоиерея о. Василия Скворцова. С большой теплотой рассказал он о своих жизненных встречах с о. Вениамином, напомнил учащимся его настоятельные призывы к изучению богословских наук, к сознательной и просвещенной вере и выразил перед покойным обещание молиться о нем до самой встречи в ином мире.

Перед концом отпевания сказал надгробное слово доцент Академии свящ. А. А. Ветелев, который прежде всего воздал дань восхищения и признательности многоплодной пастырской деятельности о. Вениамина, осветил его значение для академической семьи и с большой любовью говорил о миролюбии и незлобии, как отличительных чертах нравственного облика почившего. Напоминая молящимся о его длительной болезни, о. Александр сказал, что Господь медленно отрывал о. Вениамина от земли — так еще хотел он жить и работать, — но земные страдания очистили его душу, и Бог благоволил призвать ее в Свои Обители.

Отпевание закончилось кратким, но прочувствованным словом студента Академии А. В. Ушакова, после чего гроб с телом покойного обнесли вокруг храма и поставили вновь на возвышении для последнего целования...

В последний раз коснувшись устами мертвой руки о. Вениамина, невольно подумалось о том, как недавно в этой телесной храмине, теперь пустой и холодной, билось большое горячее сердце. Как недавно из его добрых очей смотрела на окружающих его бессмертная душа, всегда горевшая желанием блага для всех, с нею соприкасавшихся. Как недавно это бренное тело было живой личностью, прекрасной в той мере, в какой она жила исповеданием своего внутреннего мира. Ее тайна теперь приоткрылась: сквозь телесный призрак, вот-вот готовый исчезнуть в могиле, мы ясно видим прекрасный образ Божий, открытый нам в живой личности о. Вениамина. Перед ним теперь распахнулся Чертог Вечности, а мы должны еще вернуться обратно и упорно искать в себе и в других внутреннего человека, поскольку в каждом из нас Господь положил «образ вечного бытия Своего». Таков завет нашего почившего друга.

А. Ведерников

Из жизни наших епархий

Из Ставропольской епархии

ИЗ ЖИЗНИ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ

20 сентября 1948 года Ставропольская Духовная Семинария вступила в третий год своей учебно-воспитательной деятельности. Ученики 1-го и 2-го классов стали теперь соответственно слушателями 2-го и 3-го классов, а 1-й класс пополнился новым составом учащихся.

Добрый показателем настроения воспитанников служит ранний съезд значительной части учащихся 3-го класса, прибывших еще до начала занятий с тем, чтобы, закончив все формальности по прописке и учету, без промедления приступить к слушанию богословских дисциплин, к изучению которых они готовились в течение двух лет.

Открытию учебных занятий предшествовало молебное пение перед началом учения, совершенное соборно и сопутствуемое назидательным словом о. ректора Семинарии, призвавшим воспитанников неуклонно следовать избранному ими пути, возгревая в сердцах своих дух веры для совершенного усвоения преподаваемых познаний, являющихся оружием людей, подвигающихся на поприще церковного служения.

Началось размеренное течение времени учебного года по установленным нормам распределения классных занятий на уроках и по приготовлению заданий к ним, устным и письменным. Воспитательный надзор отмечает особую степень прилежания и настойчивости, с какою ведут свою работу слушатели старшего богословского курса, с похвальным усердием преодолевая трудности усвоения содержания каждого предмета и с должным интересом воспринимая предъявляемые им задания.

Среди обычной смены трудовых дней учебного периода праздниками, положенными по Церковному Уставу, можно выделить особый момент в текущем году. В связи с исполненным 500-летием автокефалии Русской Православной Церкви 18 (5) октября это событие отмечено было торжественным архиерейским служением в Крестовой церкви, за которым о. ректором Семинарии было произнесено слово, в котором он, с присущей ему ясностью и простотой, разъяснил смысл и значение празднуемого события. После молебна состоялся публичный акт в стенах Семинарии, посвященный празднованию этого знаменательного события. Ректор Семинарии протоиерей И. Богданович с благословения Его Высокопреосвященства, архиепископа Антония открыл заседание, предоставив слово для доклада на тему дня преподавателю Церковной Истории, инспектору Семинарии А. Преображенскому. Изложив историю церковного строительства в связи с обстоятельствами учреждения автокефалии, лектор нарисовал картину, являющую благопоспешное состояние Русской Церкви и живые связи ее с частями Церкви Вселенской.

7 ноября — день годовщины Великой Октябрьской революции также был отпразднован торжественным актом, во время которого преподаватель Конституции сделал доклад, дав исчерпывающий обзор успехов социалистического строительства СССР.

Немалым украшением того и другого торжества были выступления семинарского хора, с большим искусством исполнившего Государственный гимн и песнопения, отвечавшие духу празднуемого события.

П. Евладов

Из Виленской епархии

ПРОЩАНИЕ С АРХИПАСТЫРЕМ

28 ноября православные виленцы прощались со своим добрым и любимым архипастырем Высокопреосвященным архиепископом Корнилием, отбывающим в г. Горький, к месту своего нового служения. Только три с половиной года продолжалось у нас святительство архиепископа Корнилия, но великие и славные дела совершены им в этот короткий период, дела, которые позволяют назвать время святительства его у нас историческим.

В тяжелые дни, дни сетования и печали, прибыл к нам Владыка Корнилий. Пронесшаяся над нами военная буря оставила страшные, кровавые следы в нашей епархии. На родных развалинах истерзанные, измученные, с истрадавшимся сердцем, с долу поникшими лицами печально ходили мы как овцы, немощие пастыря, омраченные сознанием своего церковного сиротства. Православная Вильна не имела своего архипастыря.

Пасха Христова приближалась. И вдруг у Святого Гроба Христова занялась для всех нас, и пастырей и пасомых, заря новой жизни: то первое свое богослужение совершал наш новый архипастырь, Владыка Корнилий. То Москва-матушка раскрыла для нас свое сердце и послала на церковный корабль наш, мудрого кормчего, который руку свою твердо положил на руль и смело, безбоязненно направил этот корабль не по болотным огонькам католичества, раскола, сектанства, а по путеводным звездам истинно святого православия. Голос ободрения, утешения, назидания услышали мы и воспрянули духом.

А как тяжело было Владыке Корнилию начинать созидательную работу в епархии. В пасхальную ночь служил он в храме Свято-Духова монастыря. Владыка служил, и дождь поливал его архиерейскую кафедру, его святительский омофор. Обширный храм был переполнен народом, в сердце которого светлые пасхальные переживания соединялись с глубокой скорбью от всего только что пережитого. Но не смущался Владыка наш. Истоиво, благоговейно проходила служба, спокойный и радостный был взор архипастыря. Этот дождь в храме Божиим принял он, как доброе знамение, как росу небесную, как благодать Божию, посылаемую Воскресшим к оживлению гибнущей уже от войны епархии Литовской.

В эту епархию, некогда славную вековой борьбой своей с воинствующим католичеством, Владыка Корнилий сумел вдохнуть дух жизни.

Прошло три с небольшим года, и ее не узнать.

Храм Духовской обители восстановлен, восстановлен он и трудами и щедрыми жертвами нашего Владыки. И не только этот храм, но и многие другие святыни нашего града и нашей епархии. Воскресла и

обитель Святаго Духа и может теперь жить полнокровною жизнью: ей Владыка Корнилий возвратил душу — по его ходатайству Москва родимая, Москва непобедимая вернула мощи святых Виленских мучеников: Антония, Иоанна и Евстафия, вывезенных в первую войну. И, уезжая теперь от нас, Владыка наш оставляет нам вечный памятник своего благословенного архиерейства у нас.

Созидательную работу архиастырь наш благословлял в каждом приходе, всюду с редкою ревностию, любовью всегда спешил он на молитвенный подвиг. Трогательную картину в приходских храмах наших можно было видеть в дни священнодействия там Владыки Корнилия. С какой любовью народ окружал его, теснился к нему, и как просто, ласково, по-отечески, беседовал всегда Владыка с ними. А в день прощания с Владыкой явной стала и еще одна святая черта характера его, его нестяжательность, его щедрая благотворительность — с присущей ему скромностью, вдали от всякой огласки занимался ею архиерей Божий.

Любила, любила искренне, сердечно, паства своего архиастыря — вот почему великой скорбью исполнились сердца наши, когда узнали мы, что Святитель наш покидает нас. Божественную Литургию в храме Свято-Духова монастыря 28 ноября совершал Высокопреосвященный архиепископ Корнилий, в сослужении почетнейшего духовенства и городского и приезжего. Владыка всегда служит истово, проникновенно, но сегодня его служение отличалось особенной, неземной красотой. На высоте положения и хор: он напрягает все усилия, чтобы достойно украсить последнее служение у нас любимого Владыки. Храм переполнен молящимися, но такая тишина, благоговение сегодня в нем, как будто в нем никого нет. Изредка слышны скорбные вздохи. Кое-где видишь, как молящиеся смахивают с ресницы набежавшую слезу. В благоговении, словно колосья при ветре, разом вся масса склоняет головы, когда возносит над ней Владыка благословляющие свои руки. И места уже нет, а в храм вливаются все новые и новые потоки людские — то спешат проститься с Владыкой богомольцы из других городских храмов, где сегодня отошли уже ранние Литургии. Прибывает и городское духовенство из своих приходов.

Но вот Литургия заканчивается. На солею выходит Высокопреосвященный архиепископ Корнилий, окруженный многочисленным сонмом духовенства в сияющих золотых облачениях.

Владыка, видимо, волнуется... В последний раз поучает свою паству. Убеждает, просит, молит беречь как зеницу ока святое Православие, беречь здесь, где оно незаметно в море католичества. Исповедует Владыка милости Божии, являемые присно нам, вручает нас и на будущее время Всеблагому Промыслу Божию, просит слушать, почитать, уважать нового архиастыря. Вся церковь замерла. Слушают богомольцы так, как некогда Апостола Павла слушали: словно глаза хотят свои отдать благовестующему. Многие не удерживаются от слез, неволью как-то орошают они ланиты. И рыдания, и благожелания послышались, когда в заключение своей прощальной беседы, архиастырь земно склонился перед паствою, прося прощения, молитв о себе. Момент, которого не опишет слабое человеческое слово. Надо его видеть, пережить, чтобы сердцем понять, почувствовать.

У раки святых мощей Виленских мучеников Антония, Иоанна и Евстафия совершен был торжественный молебен о здравии, благополучии отбывающего Святителя. Перед возглашением обычных многолетий Владыке поднесены были икона Спасителя от приходского духовенства, икона святых Виленских мучеников — от насельников обители Святаго Духа и молитвослов от кафедрального собора. Подношения сопровождались чтением соответствующих адресов, в полноте отразивших разностороннюю и многополезную деятельность Владыки, прибывшего к нам

на Пасху крестную, Пасху скорбей и страданий и давшего возможность в наших обновленных святынях светло торжествовать и Пасху Воскресшую. «Ночь прошла, и день настал» с приездом Твоим к нам, Владыко, говорит приходское духовенство в своем адресе: «Епархия наша воскресла к новой жизни». После многолетий народное множество окружило Владыку, каждый спешил в последний раз облобызать его благословляющую десницу.

Был уже 4-й час дня, когда архипастырь оставил храм.

Торжество закончилось сердечною, братскою трапезой всего духовенства в покоях его Высокопреосвященства. За трапезой в речах присутствующих обрисован был светлый облик архипастыря и подчеркнута еще одна черта его образа: в лице его увидели архиерея-патриота, крепко любящего великую нашу Родину и словом и самым делом жизни своей возущего нас к самоотверженному, жертвенному исполнению долга гражданина.

Протоиерей Иосиф Дзичковский

Цена 10 руб.